

1169 VII
TARTU RIIKLIKU ÕLIKOOLI TOIMETISED
УЧЕННЫЕ ЗАПИСКИ
ТАРТУСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

ALUSTATUD 1893. a.

VIINIK 130 ВЫПУСК

ОСНОВАНЫ в 1893 г.

ТРУДЫ ПО ФИЛОСОФИИ
VII

Я. З. ХАЙКИН

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ НОРМ ПРАВА И МОРАЛИ
ПРИ ПЕРЕХОДЕ К КОММУНИЗМУ

ТАРТУ 1968

A-1169 VII
TARTU RIIKLIKU ÜLIKOOLI TOIMETISED
УЧЕННЫЕ ЗАПИСКИ
ТАРТУСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА
ALUSTATUD 1893. a. VIHK 130 ВПУСК ОСНОВАНЫ В 1893 г.

ТРУДЫ ПО ФИЛОСОФИИ

VII

Я. З. ХАЙКИН

**ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ НОРМ ПРАВА И МОРАЛИ
ПРИ ПЕРЕХОДЕ К КОММУНИЗМУ**

ТАРТУ 1963

Редакционная коллегия:

Л. Столович (отв. редактор), Т. Лойт, И. Волков, А. Кёёрна
и В. Тюрк

Pi

Tartu Riikliku Ülikooli
Raamatukogu
43342

В эпоху развернутого строительства коммунизма непрерывно усиливается воздействие сознательной деятельности людей на все стороны жизни. Для философии становится по-новому актуальным раскрытие тех объективных закономерностей, знание которых должно во все большей мере обеспечивать сознательную направленность деятельности общества. Решение этой задачи требует в частности более пристального и более глубокого внимания к таким инструментам саморегулирования общественной жизни как социальные нормы.

Ведущую роль в сознательной деятельности партии, государства, народных масс по преобразованию общества играют право и мораль. Выступая в качестве взаимосвязанной системы социальных норм, право и мораль обладают такими творческими регулирующими возможностями, сила и эффективность которых во многом определяются не только и не столько закономерностями развития и использования каждого из них в отдельности, а прежде всего тем, насколько они слаженно и четко, согласованно и комплексно решают одни и те же задачи. Поэтому вопрос о соотношении права и морали в период перехода к коммунизму приобретает особое значение.

Нельзя сказать, что в нашей научной литературе проблема соотношения права и морали не освещалась. Однако из крупных, обобщающих работ можно назвать лишь одну — монографию М. П. Карева «Право и нравственность в социалистическом обществе» (изд. АН СССР, институт права), вышедшую в 1951 г. По существу это была первая попытка перейти от общих положений, характеризующих связь права и морали, к конкретным проблемам жизни нашего общества. Однако даже если не учитывать тех атрибутов работы, которые были свойственны большинству исследований периода культа личности Сталина, монография М. П. Карева, по нашему мнению, слишком «гладко» представляла согласованность взаимодействующих права и морали и очень мало внимания уделяла процессу их развития.

В ряде статей поднимались и раскрывались такие вопросы соотношения права и морали, как их природа, возможности

противоречий между ними.¹ После принятия Программы КПСС делаются попытки проследить перспективу дальнейшего развития права и морали, показать закономерность тенденции сужения сферы правового регулирования и возрастания нравственных начал в жизни общества.²

Кроме того, написано несколько диссертаций.³ Их авторы главное внимание уделяли проблемам внешней связи права и морали, значительно меньшее место отводили исследованию внутренних закономерностей развития участников соотношения.

Следует отметить те исследования наших юристов, в которых прямо не рассматриваются вопросы соотношения права и морали, но при анализе закономерностей развития социалистического права его связь с моралью в той или иной мере попадает в поле зрения авторов.⁴

Анализ исследований, посвященных соотношению права и морали, привел автора данной работы прежде всего к тому выводу, что для дальнейшего углубления и конкретизации проблем соотношения права и морали необходимо перейти от их общей связи к конкретным формам ее проявления. Во-первых, общий анализ права и морали не может раскрыть специфических форм их связи в различных областях жизни. Во-вторых, исследование права и морали в целом естественно сосредотачивает все внимание на их внешней связи друг с другом и затрудняет раскрытие внутренней противоречивой сущности каждого участника взаимодействия. Ясно, что, отодвигая этот вопрос на второй план, нельзя проследить характер внутреннего развития права и морали и, следовательно, характер изменения соотношения между ними.

Всем этим были обусловлены содержание и метод данной

¹ См., например, М. З. Селектор, Право и нравственность. «Вопросы философии», 1954, № 2; Н. А. Трофимов, О противоречиях в процессе взаимодействия права и морали социалистического общества. Ученые записки Уральского государственного университета, 1957, вып. 21.

² См., например, Н. А. Трофимов, О перспективах развития морали и права в их взаимном отношении. «Вопросы философии», 1962, № 5; Л. А. Андреев, Изменение соотношения морали и права в процессе перехода к коммунизму. «Вопросы марксистско-ленинской этики», изд. ВПШ и АОН, 1962.

³ М. М. Магидсон, Взаимодействие социалистического права и социалистической нравственности в период перехода от социализма к коммунизму, 1950; Ю. В. Шабанов, Взаимодействие права и нравственности в советском социалистическом обществе, 1951; В. И. Мураускас, Соотношение нравственности и права в советском социалистическом обществе, 1958; Л. А. Андреев, Изменение соотношения морали и права в процессе перехода к коммунизму, 1962.

⁴ См., например, Н. Г. Александров, Развитие социалистического права в нормы коммунистического общежития. «Советское государство и право», 1961, № 9; С. С. Алексеев, О перерастании советского права в нормы коммунистического общежития. «Советское государство и право», 1962, № 5 и др.

работы: взять в качестве исходной данной «клеточки» нормативных частей права и морали их нормы (единичное) и через особенное (отрасли права, сферы нравственной жизни) попытаться вывести некоторые закономерности всеобщего (права, морали).

Рассмотрение характера соотношения норм права и морали включает в себя, на наш взгляд, два взаимосвязанных аспекта: во-первых, установление единства и различия этих норм, и, во-вторых, раскрытие характера взаимодействия, которое делает нормы права и морали одновременными регуляторами определенных общественных отношений. Рассмотрение первого аспекта раскрывает как качественно новую связь норм социалистического права и коммунистической морали в сравнении с эксплуататорскими формациями, так и моменты, характеризующие эту связь. Подробно эта сторона соотношения норм права и морали была нами изложена в статье «Нормы права и морали и их связь при переходе к коммунизму».⁵

Здесь необходимо только отметить следующее:

1. Тесная связь норм права и морали между собой обусловлена тем, что право и мораль в целом как идеологические формы отражают ту сторону общественного бытия, которая проявляется в качестве интересов, производных от экономических отношений. При этом в коммунистической морали отражается объективная связь интереса личности с интересом всего общества, выраженном в принципах всей моральной системы. В социалистическом же праве интерес общества, выраженный в специфической правовой форме, в процессе применения права также вступает в связь с интересами отдельных личностей, в связи с чем поведение последних строго регламентируется. Это общее и специфическое основание права и морали делает возможным применять моральные критерии к праву и правовые — к морали.

2. Норма права — проявление нормативного права в единичном. Она выражает сущность всеобщего — волю общества, строящего коммунизм. Содержание нормы права — правило поведения, регулирующее общественное отношение. Элементами содержания являются: субъекты и объект отношения (повод связи субъектов), права и обязанности участников отношения. Внутренней формой этого содержания выступает государственное предписание.

Вся внутренняя диалектическая противоречивость нормы проявляется в противоположности юридических прав и обязанностей, распределенных между участниками регулируемого отношения. Связь каждого участника отношения с интересом всего общества оказывается опосредствованной интересами участни-

⁵ См. Ученые записки ТГУ. Труды по философии. VI, Гарту 1962, вып. 124.

ков регулируемого отношения, и поэтому норма права носит двух- и многосторонний характер.

3. Норма морали также выступает в качестве правила, регулирующего общественное отношение. Однако элементы ее содержания отличаются от правовых. К ним относятся: субъект, объект отношения (общество в целом или любая форма его социальной коллективности) и требование нравственного долга. Выражением специфического содержания нормы морали является ее специфическая форма — предписание общества. Связь каждого участника общественного отношения с другими лицами опосредуется прямой связью каждого из них с интересом всего общества. Поэтому норма морали носит односторонне-обязывающий характер.

Выражением внутренней противоречивости нормы морали служит противоречие между требованием общества (объективная сторона долга) и стремлением отдельной личности (субъективная сторона долга).

4. Единство норм коммунистической морали и социалистического права выражает единство их социальной сущности, их общественных функций. Выражение воли всего общества, закрепление правильного соотношения интересов личности и общества, равнозначные требования к каждому члену общества, тождество критериев для оценки поведения, защита интересов общества сочетанием убеждения и принуждения — таковы главные показатели единства норм права и морали.

Однако это единство в коренном, главном одновременно предполагает и их различия. Они занимают подчиненное положение по отношению к единству норм. Степень их проявления, процесс их устранения полностью определяются развитием единства. Основное различие между нормами права и морали в период развернутого строительства коммунизма есть различие между специфическими элементами содержания правовых и моральных норм. Это различие между юридическими правами-обязанностями и нравственным долгом. Вместе с другими аспектами различий, производными от основного, они представляют собой источник противоречия на определенном уровне.

Характер единства норм в нашем обществе создает объективные условия как для органического соединения прав-обязанностей внутри норм права и сторон нравственного долга внутри норм морали, так и для взаимопереходов первых во вторые и наоборот. Однако, пока существует противоречие между ними («я должен, но не обязан» или «я обязан, но не должен»), оно фиксирует и различие. Другие различия — в форме, в соотношении убеждения и принуждения, в четкости регламентации общественных отношений, в характере связи внутреннего и внешнего — взаимосвязаны с основным.

Взяв указанное выше в качестве основы, характеризующей

связь норм права и морали, мы в данной работе рассматриваем второй аспект соотношения норм права и морали — их взаимодействие между собой. Вполне понятно, что специфика этого процесса определяется природой тех областей общественной жизни, где нормы права и морали непосредственно соприкасаются. Поэтому мы рассматриваем взаимодействие норм в четырех сферах общественных отношений. Выбор этих сфер определен исходя из их роли в моральной жизни общества и возможности использовать минимальный, но достаточный по объему, материал для обобщений.

Однако всякое исследование явлений общественной жизни должно не только объяснять, что произошло и что происходит в настоящее время, но и давать предвидение основных направлений и основных форм развития процесса в будущем. Образцом научного предвидения и определения конкретных форм и методов строительства коммунизма в нашей стране служит Программа партии, принятая XXII съездом КПСС. Опираясь на ее принципиальные выводы и положения, стало возможным проследить перспективу изменения в соотношении норм права и морали в процессе формирования единых норм коммунистического общества. Эта необходимость становится тем более ощутимой потому, что уже «нынешнее поколение советских людей будет жить при коммунизме» (Программа КПСС). Поэтому в работе делается попытка дать хотя бы краткую характеристику социальных норм коммунистического общества.

Так как процесс изменения условий общественного бытия представляет собой в то же время процесс изменения самого человека как субъекта моральной жизни, то в заключительном разделе рассматриваются некоторые вопросы роли взаимодействия права и морали в нравственном воспитании человека, строящего коммунизм.

Такова структура работы, предлагаемой вниманию читателя.

I ОБЪЕМ И ГРАНИЦЫ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ НОРМ ПРАВА И МОРАЛИ В ПЕРИОД РАЗВЕРНУТОГО СТРОИТЕЛЬСТВА КОММУНИЗМА

Характер взаимодействия норм права и морали прямо связан, во-первых, с соотношением социалистического права и коммунистической морали в целом и, во-вторых, с установлением той границы между правом и моралью, где это взаимодействие осуществляется.

Положение об объективном единстве права и морали в общенародном государстве бесспорно. Иначе и быть не может, так как сущность этих общественных явлений отражает единый

для них фундамент — экономические отношения социалистического общества, строящего коммунизм. Будучи же относительно самостоятельными явлениями надстройки, испытывая на себе воздействие различных частей последней, право и мораль не изменяют свою сущность, так как всякое влияние на них может носить только формирующий характер. Это объективное единство права и морали исключает возможность противоречия между их сущностями.

Но иное отношение между правом и моралью возникает, когда мы рассматриваем эти явления с точки зрения их содержания. Формирующее влияние других частей надстройки, субъективный момент в нормотворчестве (особенно в праве) создают условия для противоречий между отдельными элементами содержания права и морали, то есть между нормами права и нормами морали.⁶ Разумеется, здесь речь идет о действительном противоречии, являющемся результатом специфических условий формирования той или иной нормы права или морали, а не кажущемся, мнимом. Последнее связано исключительно с субъективными оценками норм в процессе их применения.

Отдельные нормы права и морали в процессе взаимодействия между собой, образно говоря, как бы выходят на линию границы между правом и моралью. Эта граница может быть «внутренней», когда нормы регулируют общественные отношения в одном и том же объеме, и «внешней», когда нормы права и морали как бы дополняют друг друга, регулируя различные аспекты одного и того же общественного отношения. Именно здесь, на этих границах, следует искать закономерности процессов сужения сферы права и усиления роли морали в целом, и неравномерности протекания этого процесса в наше время.⁷ Именно здесь, на этих границах, вскрываются возможные противоречия между взаимодействующими нормами права и морали.

Рассмотрим характер взаимодействия норм права и морали в отдельных областях общественной жизни.

ИМУЩЕСТВЕННЫЕ ОТНОШЕНИЯ. Экономические отношения представляют собой фундамент жизни всякого общества. Складываясь в сфере производства, распределения и обмена, они охватывают самые различные связи людей и одновременно

⁶ Справедливой критике подверг Н. А. Трофимов мнения М. П. Каревой и М. З. Селектора, высказанные в их работах, о невозможности противоречия между нормами права и морали при социализме. См. «О противоречиях в процессе взаимодействия права и морали социалистического общества», Ученые записки Уральского гос. университета, 1957, вып. 21.

⁷ См. Н. Г. Александров, Право и законность в период развернутого строительства коммунизма, Госюриздат, 1961, где автор констатирует, что процесс перерастания норм права в коммунистические социальные нормы «... в отношении различных общественных явлений... может протекать неравномерно». (стр. 95.)

дают жизнь всем другим общественным отношениям. Последнее обстоятельство позволяет дифференцировать экономические отношения не только по их месту в общественном производстве, но и по тем общественным отношениям, в органическом единстве с которыми они себя проявляют.

Среди экономических отношений определяющими являются отношения людей к средствам производства, то есть формы собственности. В прямой зависимости от форм собственности находятся отношения, складывающиеся непосредственно в процессе производства. Последние, в свою очередь, обуславливают отношения распределения и обмена. Обмен же выступает как посредствующий момент между производством с его распределением и потреблением.⁸

Разумеется, характер экономических отношений в социалистическом обществе требует планирования всех сфер экономической жизни (производство, распределение, обмен). Общим для всех экономических отношений, независимо от их места в общественном производстве, является то, что они «всегда связаны с вещами и проявляются как вещи»,⁹ хотя их сущность — отношения между людьми. В качестве юридического выражения экономических отношений выступает имущественный порядок.¹⁰ Обособление людей в общественном производстве и их отношения по поводу вещей принимают форму имущественных отношений, а вещи начинают играть роль объекта правоотношения.

Экономические отношения определяют собой характер других общественных отношений, формирование которых вызывается многосторонним проявлением человеческой деятельности. Таковы трудовые, семейные отношения, а также отношения, порождаемые государственным планированием, и т. д. Поэтому имущественные отношения регулируются всеми отраслями советского социалистического права.

Особую область имущественных отношений (главным образом в сфере обмена) составляют отношения со специфическим качеством: они проявляются как стоимостные отношения в эквивалентном сопоставлении.¹¹ Это область гражданского законодательства, регулирующего имущественные отношения государ-

⁸ См. К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 12, стр. 725.

⁹ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 13, стр. 498.

¹⁰ В. И. Ленин не делал различия между понятиями «имущественный порядок» и «юридические отношения собственности». Ср. его перевод известного положения К. Маркса из предисловия «К критике политической экономии»: Соч., т. 1, стр. 121 и т. 21, стр. 39.

Г. В. Плеханов также писал: «Производственные отношения... на юридическом языке называются *имущественными отношениями*». «Избранные философские произведения», т. II, стр. 515.

¹¹ См. О. С. Иоффе, Советское гражданское право, Л., 1958, стр. 8—9; Л. С. Явич, Проблемы правового регулирования советских общественных отношений, Госюриздат, 1961, стр. 102—103.

ственных, кооперативных и общественных организаций между собой; граждан с этими организациями; граждан между собой.

Специальное место занимают акты планирования развития народного хозяйства СССР. Определяя задачи, средства и пути экономического развития, они направляют и подчиняют себе функции имущественных институтов всех отраслей права.

Если придание экономическим отношениям формы имущественных означает регулирование первых нормами права, то специфика норм морали определяет характер их приложения к имущественным отношениям. Прежде всего субъектом регулируемого нормой морали отношения должна быть конкретная личность со своим интересом (в данном случае — имущественным). Поэтому нормы права находятся в непосредственном контакте с нормами морали в той области, где связь имущественных интересов личности и общества в повседневной жизни наиболее осязаема. Сюда относятся все имущественные отношения как граждан между собой, так и граждан с государственными, общественными и иными организациями.

Хотя нормы морали и распространяются на деятельность организаций, социальных групп, классов и т. п., все же они не могут ограничиться «безличными» субъектами моральных отношений и всегда автоматически переносят свои требования на конкретные личности. Поэтому, когда нормы морали формируются общественными отношениями, возникающими между государственными и иными организациями, они берут под свой контроль деятельность должностных лиц, которые осуществляют оперативное управление имуществом соответствующей организации. Здесь нормы морали соприкасаются с теми нормами права, которые требуют от должностного лица соблюдения определенных правил в осуществлении владения, пользования и распоряжения вверенным ему имуществом. Показательно, например, что до издания Указа Президиума Верховного Совета СССР от 21 июня 1961 г. «О дальнейшем ограничении применения штрафов, налагаемых в административном порядке» система наложения штрафов на учреждения, предприятия и организации оставляла на долю должностных лиц, виновных в нарушениях, вызывавших штраф, только моральную ответственность. Правовая же ответственность организации для норм морали была безразличной. Перенесение Указом юридической ответственности на виновных должностных лиц сделало возможным взаимодействие норм морали и права в одном объеме.

Своеобразная связь норм права и морали устанавливается в той области, где нормы права обеспечивают тенденцию во все большей степени удовлетворять личные потребности граждан за счет общественных фондов. Здесь нормы морали как правило отстают от требований научного экономического планирования и, следовательно, от соответствующих норм права, так как за-

висимость удовлетворения интересов личности от роста общественных фондов (интереса общества) в житейской практике не для каждого и не всегда бывает достаточно ясна. Например, легче оценить снижение цен на товары, чем расширение сети больниц, санаториев и т. п. Однако нормы морали по своей природе не могут быть безразличны к правовому регулированию в этой области, так как рост общественных фондов всегда прямо или косвенно удовлетворяет тот или иной интерес личности.

Установление сферы действия норм морали в области имущественных отношений позволяет нам выяснить характер их взаимодействия с нормами права.

Нормы права, устанавливающие права и обязанности лиц в их взаимоотношениях между собой и с государственными, общественными и др. организациями (юридическими лицами) по поводу имущественных интересов фактически закрепляют требования коммунистической морали. В этом отношении показательно действие в жизни таких норм права, которые порождают «массовые» правоотношения: купли-продажи, перевозки, договора подряда по обслуживанию бытовых потребностей граждан и т. п. Покупка в магазине или на рынке, проезд на каком-либо виде транспорта, получение услуг от предпринятия бытового обслуживания и т. д. — все эти и подобные им взаимоотношения настолько привычны, что люди могут и не подозревать о существовании соответствующих норм права. Осуществление своих прав и обязанностей участниками подобных отношений в их сознании становится правилом должного поведения каждого. Это нормы морали, ставшие привычными правилами общежития. Будучи односторонне-обязывающими, они и позволяют покупать без продавца, пользоваться городским транспортом без кондуктора, получать зарплату без кассира и т. п. Однако такое взаимодействие не лишает подобные отношения правового характера, так как не исключена возможность нарушения прав одной из сторон или невыполнения обязанностей. Нормы права гарантируют соблюдение установившихся правил общежития.

Нормы коммунистической морали, также как и правовые, закрепляют два важных момента, определяющих поведение граждан: во-первых, особое положение государственного, колхозного, кооперативного и т. п. имущества, целостность и сохранность которого признается общеобязательной; во-вторых, запрещение использования имущества, находящегося в личной собственности граждан, для извлечения нетрудовых доходов.

Для характеристики первого момента целесообразно сравнить отношение норм права и морали к защите права личной и социалистической собственности. Так правовые нормы, определяя объем защиты права личной собственности, истребование имущества из чужого незаконного владения связывают с

различными обстоятельствами: возмездно или безвозмездно оно приобретено у лица, которое не имело права его отчуждать; знал приобретатель, что лицо, отчуждающее ему имущество, не имеет на это прав (недобросовестный приобретатель), или не знал и не должен был знать (добросовестный приобретатель); как имущество было утрачено собственником или лицом, которому имущество было передано собственником во владение (похищено, утеряно и т. д.).

Нормы морали в различных сложных ситуациях, в возникающих здесь отношениях, не всегда дадут однозначный ответ с правовыми. Например, изъятие имущества у добросовестного приобретателя в случаях, когда собственник утратил имущество по своей халатности, не всегда будет поддержано моралью. Однако эти различия в подходе норм права и морали к одним и тем же обстоятельствам не означают такого противоречия, при котором правовое разрешение вопроса признавалось бы нормами морали несправедливым. Наоборот, мораль поддержит решение любого органа в соответствии с действующими правовыми нормами. И сделав это, мораль невольно признает необходимость продуманного четкого правового регулирования, ибо только норм морали с их оценкой по принципу «или да, или нет» очень часто бывает недостаточно.

Но все выглядит иначе, когда речь идет об имуществе государства, кооперативных и общественных организаций. Нормы морали будут едины с правовыми в их требовании возврата имущества соответствующим организациям от всякого приобретателя независимо от способа, каким оно попало в его владение. Это показатель зрелости норм коммунистической морали.

Отношение норм морали к использованию личной собственности кратко можно охарактеризовать так: непримиримость ко всяким попыткам извлечь из нее нетрудовые доходы. В этих вопросах требования норм морали прямо «подпирают» правовое нормотворчество. Свидетельство этому — огромное количество статей и заметок, публикуемых в газетах и журналах, писем, поступающих в различные организации и редакции.

Вся сложность в установлении правильного соотношения норм права и морали в этой области, на наш взгляд, сводится к известному роду «недалновидности» при правовом нормотворчестве. Конечно, это объясняется сложностью, мы бы сказали «многоплановостью», имущественных отношений в сфере обмена. При регулировании таких отношений оказывается совсем недостаточным предусмотреть непосредственный результат регламентации. Становится прямо необходимым видеть не одну сторону общественного отношения, а все его стороны, не одно общественное отношение, а целую систему их.

Возьмем, например, норму права, зафиксированную в ст. 168 ГК РСФСР и определяющую право нанимателя имущества от-

давать его в поднаем. Целесообразность этой нормы определяется характером ряда имущественных отношений. Например, какая-либо организация временно не использует нанятое имущество (жилые помещения, средства транспорта) и отдает его в поднаем другой организации. Но эта же норма действует и в другом «плане»: она предоставляет возможность отдельным лицам, занимающим государственный жилой фонд (нанимателям), сдавать его в поднаем и, таким образом, извлекать нетрудовой доход за счет государственного жилого фонда.

Так возникает противоречие между быстрой отрицательной реакцией морали на подобное имущественное отношение и правовыми правилами, медленность совершенствования которых (указанная норма не изменялась с 1922 г.) становится нетерпимой.

Такое соотношение норм права и морали диктует единственно правильный способ ликвидации противоречия между ними: во-первых, глубокое изучение общественного мнения, которое должно позволить выявить не «средние» требования морали, а требования передовой части нашего общества, где прежде всего формулируются новые нормы морали и наполняются новым содержанием старые; во-вторых, непрерывное совершенствование норм права, составляющих институт личной собственности, с учетом этого мнения. Следует признать, что гражданско-правовое законодательство во многом еще архаично, недостаточно гибко. Пока к устранению этих недостатков сделан только первый шаг — приняты Основы гражданского законодательства Союза ССР и союзных республик. Очень многое еще предстоит сделать в союзных республиках.

Огромное социально-экономическое значение имеют мероприятия Партии и Правительства по увеличению и расширению общественных фондов для удовлетворения личных потребностей граждан. Главную роль регулятора этого процесса могут взять на себя только нормы права. Связь этих норм с моралью зависит прежде всего от осознания людьми, понимания ими того, что это единственно правильный путь непрерывного подъема благосостояния всех членов общества (конечно, наряду с повышением индивидуальной оплаты по труду, снижением розничных цен, отменой налогов). Но это осознание делает мораль источником одобрения мероприятий в этой области. Специфика норм морали такова (в то время как нормы права регулируют и отношения между организациями — юридическими лицами), что личность должна быть непосредственным участником имущественного отношения. В наши дни для норм морали стало обычным пользование бесплатной медицинской помощью, курортно-санаторным лечением с оплатой только части стоимости путевок и т. п. По мере роста источников потребления за счет общественных фондов нормы морали будут «присоединяться» к соответ-

ствующим нормам права. Ведущая роль норм права в этой области сводится, таким образом, к тому, что, устанавливая новые связи между человеком и общественным достоянием государства, они создают условия для закрепления этих связей нормами морали.

Особый характер носит взаимодействие норм права и морали в области государственного планового руководства развитием народного хозяйства СССР. Имущественные отношения в этой области представляют собой различные способы использования товарно-денежных средств для создания материально-технической базы коммунизма. Субъектами таких отношений выступают государственные, кооперативные и общественные организации. Среди норм права, регулирующих эти отношения, можно различить нормы двух видов: нормы организационного и технического характера (границы оперативной и имущественной самостоятельности в отношениях между организациями, плановые нормативы по использованию всех материальных средств и др.) и нормы, требующие определенного поведения для достижения хозяйственных целей.

Первые нормы вступают в непосредственную связь с нормами морали только в случаях нарушения организационных и технических требований. Так как сами по себе организационные и технические нормативы лежат вне сферы морали, то последняя обнаруживает их социальный смысл только в связи с другими общественными отношениями. Примером «морального вмешательства» в технические нормативы может служить осуждение украшательских излишеств в строительном деле. Известно, что это вмешательство продиктовало даже изменение самих нормативов.

Вторые нормы всегда тесно связаны с моральными. Имея, как правило, директивный характер, они ставят перед организациями и всеми лицами, участвующими в их реализации, определенные задачи, предоставляя им самим искать наиболее рациональные пути и средства для достижения эффективных результатов. Интересна мысль профессора С. А. Галунского о том, что особенностью таких норм является сглаживание внутри них противопоставления прав и обязанностей и превращение их из двусторонних в многосторонние.¹² Думается, что здесь подмечена тенденция слияния норм права с нормами морали. Сближение прав и обязанностей делает норму права нормой должного поведения, а многосторонность участников отношения становится правилом, односторонне-обязывающим каждого из них. В этих отношениях нормы морали, рассматривая материальный объект как повод, все свое внимание сосредотачивают на качестве по-

¹² См. С. А. Галунский, О творческой революционной роли социалистического права в период развернутого строительства коммунизма, «Советское государство и право», 1961, № 10.

ведения всех лиц, решающих задачи коммунистического строительства.

Нормы коммунистической морали осуждают и запрещают бюрократизм, проявление местнических тенденций, принятие необоснованных обязательств или выполнение плановых заданий «любой ценой» и т. п.

Нормы коммунистической морали требуют от всех инициативы, оперативности, четкости в работе и т. п.

В этих требованиях очень ярко проявляется социалистическая природа всех форм собственности. Каждый человек, рассматривая себя носителем права государственной, кооперативной и т. п. собственности, не может быть безразличен к интересам общества при оценке действий лиц, распоряжающихся собственностью.

Таким образом, взаимодействие норм права и морали при регулировании экономических отношений характеризуется следующими чертами:

1. Ведущая роль норм права в формировании экономических отношений. При этом только нормы права устанавливают организационные принципы и санкционируют технические нормативы в интересах дальнейшего развития экономики нашего государства.

2. Нормы морали берут под свой контроль отношения, возникающие в процессе правового регулирования экономических отношений, в той их части, где определенные личности оказываются участниками отношений в соответствии с требованиями не только материального, но и социально-политического интереса общества.

3. Влияние норм морали на имущественные отношения тем больше, чем дальше сфера регулирования этих отношений от производства. Это область обмена для потребления, область имущественных отношений граждан с государственными, общественными и др. организациями и между собой. Только в этой области нормы морали могут иметь формирующее влияние на нормы права.

ТРУДОВЫЕ ОТНОШЕНИЯ. Ярко раскрывается взаимодействие норм, регулирующих сферу «первой предпосылки всякого человеческого существования» (К. Маркс) — общественного производства, труда. Процесс труда как сознательная, целесообразная деятельность людей, направленная на создание благ, необходимых для удовлетворения потребностей человека, всегда находился и всегда будет находиться под контролем морали. Положение В. И. Ленина о том, что «определенной политико-экономической категорией является не труд, а лишь общественная форма труда, общественное устройство труда, или иначе: отношения между людьми по участию их в общественном тру-

де»,¹³ — полностью применимо и к этике. Именно отношения между людьми по участию их в общественном труде являются для коммунистической морали предметом моральной оценки.

Но одна мораль в первой фазе коммунизма не может справиться с контролем за мерой труда и потребления. Для того, чтобы реализовать принцип социализма «От каждого по его способностям, каждому по его труду», необходим целый комплекс организационных мероприятий: привлечение граждан к общественно-полезному труду, регламентация труда на предприятии, установление норм выработки, форм и размеров оплаты труда, создание условий для максимального проявления способностей трудящегося и т. п.

Очевидно, что без правовой регламентации нормы морали бессильны обеспечить необходимую общественную организацию труда. Но эта недостаточность норм морали объясняется не их «болезненной» слабостью, а объективными условиями жизни нашего общества в первой фазе развития коммунизма. Нормы морали не могут быть выше тех обстоятельств, в которых они действуют, ибо они отражают определенный уровень экономической зрелости нашего общества. Нормы морали по своей природе не могут взять на себя такие функции, для осуществления которых им нужно было бы перестать быть нормами морали.

Решая задачи общественной организации труда, нормы права регулируют:

А. Оплату труда в соответствии с его количеством и качеством.

Б. Регламентацию труда на предприятии (в учреждении) путем установления трудовой дисциплины и мер, обеспечивающих максимально безопасные условия труда для жизни и здоровья трудящихся.

В. Специальную охрану труда женщин и подростков, обусловленную естественными особенностями этой категории работников.

Г. Материальное обеспечение лиц, временно или постоянно утративших трудоспособность от заболевания или трудового увечья.

Д. Меры по поднятию технического уровня и профессионального мастерства работников.

Но нормы права из всего объема этих задач могут взять на себя только те их стороны, которые связаны с контролем за непосредственным результатом человеческой деятельности. Они не в состоянии управлять внутренним отношением человека к общественному труду. Поэтому нормы морали, регулируя те же отношения, что и нормы права (за исключением некоторых технических норм, определяющих порядок применения орудий труда

¹³ В. И. Ленин, Соч., т. 6, стр. 236.

и средств охраны труда, постепенность операций и т. п.), одновременно главное свое внимание сосредотачивают на внутренней стороне этих отношений. Так определяются специфические задачи морали в области трудовых отношений:

а) обеспечить такое изменение отношения человека к труду, которое позволило бы перейти от одного качества требования «от каждого — по способностям» при социализме к новому качеству этого же требования при коммунизме;

б) направлять процесс превращения дисциплины труда в привычку.

Здесь мы выходим на «внутреннюю» и «внешнюю» границы между правом и моралью. На «внутренней» границе нормы права и морали взаимодействуют как социальные нормы, закрепляющие экономические возможности общества (пп. А, В, Г). В этом объеме нормы морали следуют за нормами права, и эффективность первых зависит от субъективных качеств морали данного человека; коллектива. На «внешней» границе нормы права и морали взаимодействуют как регуляторы общественного отношения в его различных аспектах (пп. Б, Д). Здесь они дополняют друг друга, и их возможности обусловлены объективно.

Единой основой этого взаимодействия является отражение соотношения интересов личности и общества, которое в сознании отдельного участника общественного производства трансформируется прежде всего в его личную материальную заинтересованность.

Капиталистическому способу производства принадлежит заслуга в упразднении внеэкономического принуждения к труду и вовлечении производителя в общественное производство посредством личного материального интереса труженика. Однако в обществе, представляющем собой «суррогат коллективности» (К. Маркс и Ф. Энгельс), действительный общественный интерес не может быть общим для всех его членов. В этих условиях связь интереса пролетария и интереса общества прежде всего подчинена закону существования социальных антагонизмов. Пролетариат вынужден рассматривать свое участие в общественном производстве как необходимое условие для продления своего существования. Этот взгляд становится объективным выражением участи всего класса эксплуатируемых видеть в труде подневольную, внешне навязанную обязанность.

Только ликвидация противоречия между частным способом присвоения и общественным характером производства создала возможность для органического соединения интереса рабочего с интересом общества. Формой этого соединения стала личная материальная заинтересованность работника в результатах своего труда.

Возникнув в ходе строительства социализма как важнейший

стимул для участия в общественно-полезном труде, материальная заинтересованность поставила личные (или групповые) интересы в определенное отношение к материальным интересам всего общества. Нарушение этого отношения недопустимо, так как оно делает личный материальный интерес «голым», а общественный интерес превращает во внешнюю, самодавляющую силу. «Принцип материальной заинтересованности — это не случайный фактор в нашей жизни, это принцип строительства коммунизма».¹⁴

Как эту задачу решают нормы права? В соответствии с решениями XX и XXI съездов КПСС партия и правительство провели большую работу по совершенствованию главного рычага принципа материальной заинтересованности — заработной платы. Целью упорядочения заработной платы было: повышение заработной платы низкооплачиваемым рабочим и служащим и сокращение на этой основе разрывов в оплате труда; повышение стимулирующей роли систем заработной платы в росте и совершенствовании социалистического производства. Одной из причин нарушений принципа материальной заинтересованности в предшествующий (до XX съезда КПСС) период было несоответствие между развивающимися общественными формами труда и старыми, застывшими системами заработной платы. Развитие материально-технической базы привело к коренным сдвигам в соотношении сдельных и повременных видов труда. На значительном числе предприятий установилась жесткая регламентированность производственного процесса, оформились комплексные производственные узлы, работа на которых поставила результаты труда в зависимость не от отдельного рабочего, а от целого коллектива. Правовые же нормы длительное время не приводились в соответствие с требованиями экономики, а только «корректировались», неудачно «приспосабливались» к новым условиям и, как неизбежный результат этого, обнаруживали свою несостоятельность в этом отношении.

Нормы морали в условиях неразберихи и разнобоя толкали администрацию предприятий на такие «уточнения» форм заработной платы, которые в конечном итоге всегда приносили известный вред производству, так как не могли достаточно точно учесть меру труда и меру оплаты. В то же время такая обстановка наносила вред моральным стимулам к труду, так как у некоторой неустойчивой части работников пробуждалось стремление получить «длинный рубль», и они бросались на поиски более высоких оплат за ту же меру труда.

Упорядочение заработной платы восстанавливает в основном равновесие между нормами права и морали. Прежде всего но-

¹⁴ Н. С. Хрущев, Речь на совещании работников сельского хозяйства Белорусской ССР в Минске 12 января 1962 г., «Правда», 1962, 16 января.

вые системы заработной платы приводятся в соответствие с новыми формами организации труда и обеспечивают широкое применение прогрессивной комплексной его организации. Так, в угольной промышленности установлено единое коллективное премирование за выполнение плана добычи угля по забою, лаве, участку, шахте.¹⁵ Размеры премирования дифференцированы с учетом значимости тех или иных профессий в деле выполнения плана. Наряду с перестройкой системы тарифов такая зависимость заработной платы от усилий всего коллектива обеспечивает создание у рабочих коллективной материальной заинтересованности.

Как видно из сказанного, нормы права оформляют претворение в жизнь принципа материальной заинтересованности, служат тем рычагом, при помощи которого государство поддерживает необходимый уровень соотношения материального интереса работника и материальных интересов всего общества. Одновременно нормы права закрепляют принцип коллективизма, обеспечивая развитие коллективной материальной заинтересованности. Нормы права стимулируют повышение личной квалификации работника, так как наряду с развитием коллективных форм материальной заинтересованности они учитывают место рабочего в коллективе, исходя из его профессионального мастерства.

Достижение общественно-необходимых результатов труда немислимо без жесткой его регламентации. Дисциплина труда — вот еще один важнейший объект, на который направлены нормы права. Установление необходимого порядка в процессе труда прямо связано с регулированием определенного соотношения интереса работника и интереса общества. Но нормы права и здесь в состоянии непосредственно влиять только на внешнее проявление отношения участника производства к своим обязанностям.

Если бы речь шла о нормах буржуазного права, регулирующих те же отношения в условиях купли-продажи рабочей силы, то нужно было бы ограничиться сказанным, так как их воздействие не выходит за рамки внешнего принуждения, то есть насилия. Нормам же социалистического права это совсем не свойственно. Поскольку права и обязанности, фиксируемые нормами права, находятся в новом соотношении, коренным образом отличным от норм буржуазного права, то для работника, убеждающегося в строгой гарантии его прав, обязанность (хотя бы она для него была и нежелательна) не приобретает характера принудительной силы. Даже в том случае, когда тот или иной работник не понимает своего общественного долга, беспрепятст-

¹⁵ См. «Совершенствование организации заработной платы», М., Экономиздат, 1961.

венное, беспристрастное удовлетворение его прав, предусмотренных той или иной нормой права и поставленных в прямую зависимость от выполнения им своих обязанностей, заставляет этого работника сознательно отнестись к последним. Поэтому нормы права, закрепляющие систему оплаты труда («каждому по его труду»), опосредствованно, своим новым качеством, влияют и на отношение человека к общественному труду; нормы права, закрепляющие дисциплину труда, опосредствованно влияют на сознательность в отношении работника к своим обязанностям.

Но если нормы права внешне оформляют систему правильного материального стимулирования результатов труда, внешне регламентируют сам процесс труда и одновременно создают необходимые условия для духовных побуждений к труду, то нормы морали непосредственно требуют такого отношения работника к труду, которое зафиксировано в моральном кодексе нашего общества.

Нормы коммунистической морали не игнорируют материальной заинтересованности работника. Но если бы они не выходили за рамки материальных интересов личности и общества, то они были бы бедными, примитивными, как это было при первых шагах человечества, когда все сводилось к добыванию материальных средств жизни, или были бы обречены на жалкое существование, как это свойственно современной буржуазии, которая «не оставила между людьми никакой другой связи, кроме голого интереса, бессердечного «чистогана».¹⁶ Нормы коммунистической морали всегда выражали и выражают всесторонние интересы личности и общества, интересы, в которых «... развитие моральных стимулов и укрепление материальных стимулов, материальной заинтересованности неразрывно связаны между собой».¹⁷ Тенденция их неразрывного развития такова, что при сохранении материального интереса как основы роль социально-политических, духовных интересов становится все большей и большей. Такое соотношение идейных и материальных стимулов в структуре интересов, выражаемых нормами морали, вызывает изменения в отношениях к труду. Этими изменениями и определяется то качественно новое, что несет в себе движение ударников и коллективов коммунистического труда в сравнении с прошлыми формами социалистического соревнования. Оно стало главным каналом воздействия моральных норм на процесс труда в наши дни.

Вот нормы морали, которые были сформулированы зачинателями соревнования за коммунистический труд и стали примерными для их последователей:

¹⁶ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 4, стр. 426.

¹⁷ Н. С. Хрушев, Доклад на Пленуме ЦК КПСС 5 марта 1962 г., «Правда», 1962, 6 марта.

«Даешь самую высокую производительность труда — вот наш девиз.

Во всяком деле проявлять смекалку.

Думать, как сделать лучше. Один за всех, все за одного. Считать так: один лодырь — позор для бригады; один прогул — пятно на всех; один допустил брак — беда целого коллектива.

Свои знания и опыт не держи в кубышке, а дели на всех. Видишь, сосед отстает — помоги. Сам не можешь сделать — не гордись, обратись к товарищу.

Отработал — не теряй времени зря. Тебя ждет школа, техникум, институт. Есть свободная минута — бери в руки книгу. Учись так, чтобы принести еще больше пользы своему народу.

Заботиться о своей культуре. Покончить со сквернословием, грубостью, выпивками. Никогда не проходить мимо фактов хулиганства, пьянства, бескультурья. Обидели на твоих глазах человека — и ты виноват.

Уважать старость на улице, дома, в семье, быть вежливым, приветливым, тактичным.

Нарушил эти правила, ты не оправдываешь почетного звания члена коллектива коммунистического труда».¹⁸

Уже простое сопоставление правовых норм, регламентирующих трудовые отношения, с нормами морали ударников коммунистического труда обнаруживает ряд моментов, определяющих известное преодоление границ между сферами регулирования, осуществляемого этими нормами.

Во-первых, нормы права закрепляют принцип материальной заинтересованности и этим формально ограничивают свое воздействие на материальные стимулы к труду. Нормы морали идут дальше — они требуют высокой производительности, «смекалки» в деле, непрерывного стремления к лучшему, не связывая прямо этих задач с мерой вознаграждения за труд. Для норм морали важно подчинение материальных стимулов к труду идейным стимулам.

Во-вторых, нормы права закрепляют принцип коллективной материальной заинтересованности, создавая определенные рамки для коллективных трудовых усилий. Для норм морали та сторона коллективной трудовой деятельности, которая прямо не вытекает из материальных стимулов, является ведущей. Бескорыстная взаимопомощь, моральная зависимость каждого члена коллектива от своих товарищей, моральная ответственность коллектива за каждого своего члена — это нормы, выражающие формирование в коллективе моральных стимулов к труду.

В-третьих, нормы права создают необходимые условия для повышения квалификации каждого работника. Нормы морали не только требуют реализации этой возможности, но и опреде-

¹⁸ «Правда», 1961, 24 декабря.

ляют ее прямую необходимость для того, чтобы принести еще большую пользу обществу. Этим они формируют правильное отношение к интересам общества, то есть моральные стимулы к трудовой деятельности.

В-четвертых, нормы права не выходят за границу прямого воздействия на процессы непосредственного труда. Нормы морали требуют большего — всегда связывать труд с такими сторонами жизни, как общий культурный уровень человека, его поведение в быту, взаимоотношения с другими членами общества. Этим признается органическая связь труда со всеми проявлениями человека в общественной жизни, этим труд ставится в центр общественной и, следовательно, моральной жизни.

В-пятых, нормы права имеют дело с административно-материальной ответственностью работника за нарушение трудовой дисциплины. Нормы морали же поднимают моральную ответственность (оправдание почетного звания члена коллектива коммунистического труда) до степени высокой общественной ответственности.

Такое взаимопроникновение и взаимодополнение норм права и морали обеспечивает новую связь личного материального интереса с материальным интересом общества (материальная заинтересованность), личного материального интереса с идейными стимулами (материальные стимулы к труду), всестороннего интереса личности со всеми интересами общества (материальные стимулы к труду как проявление моральных стимулов).¹⁹

Однако для связи норм права и морали здесь характерно, с одной стороны, «принятие» норм права как должных и, с другой, — ограниченные возможности норм морали сузить сферу правового регулирования. Первое создает положение, при котором нормы права, оставаясь ведущей формой регулирования отношений, будучи приняты их исполнителями внутренне, начинают играть такую роль, при которой участники трудовых отношений перестают рассматривать их в качестве внешних предписаний. Цель и задачи правового регулирования осуществляются в трудовом коллективе усилиями и организационной деятельностью самого коллектива. Практически это достигается всеми формами участия трудящихся в решении производственных задач. Усиление контрольных функций партийных организаций, предоставление профсоюзным организациям особых пол-

¹⁹ О различении и связи материальной заинтересованности, материальных стимулов к труду и моральных стимулов к труду см. Г. Д. Зазерский, Материальные и моральные стимулы к труду и их сочетание в период строительства коммунизма. — Вестник ЛГУ, 1962, № 11, вып. 2.

Автор, на наш взгляд, правильно в частности отмечает: «Анализируя трудовую деятельность человека, его побуждения к труду, нельзя сказать, где кончается действие материального стимула и начинается проявление морального. Единство этих побуждений вытекает из самого характера социалистического труда». (Стр. 68)

помощий в трудовых отношениях,²⁰ регулярные производственные советы и совещания, советы новаторов, общественные конструкторские бюро и многие другие организационные меры ведут к превращению норм права в нормы самодеятельности участников производства.

В этом отношении поучительна инициатива членов бригады электромонтажников цеха № 1 Таллинского завода ртутных выпрямителей им. М. И. Калинина. В этой бригаде административная должность бригадира была заменена выборным органом — советом бригады, работающим на общественных началах.²¹ За время своего существования совет улучшил организацию труда в бригаде (правильная расстановка рабочей силы, повышение квалификации и т. п.) и, как результат, бригада дает экономию государственных средств при постоянном росте заработной платы. Для деятельности совета бригады характерно именно сочетание нравственных начал (как общественного органа) с административно-правовыми (как органа, подчиненного мастеру участка и обеспечивающего выполнение правовых требований), а не «вытеснение» правового регулирования. Понятно, что главное в таком взаимодействии — создание обстановки, в которой административно-правовое воздействие «может, при идеальной сознательности и дисциплинированности участников общей работы, напоминать больше мягкое руководство дирижера».²² Именно такая обстановка и создана в первом цехе Таллинского завода ртутных выпрямителей, где начинание одной бригады находит своих последователей.

Сужение сферы правового регулирования трудовых отношений может быть результатом только такого морального роста данного коллектива, который обеспечивает безусловное выполнение требований норм права усилиями самого коллектива без мер государственного контроля и принуждения. Поэтому такой процесс отказа от применения формальных требований права пока еще не может выйти за рамки отдельных коллективов трудящихся, отдельных сторон их деятельности. Практически это выражается в частичных изменениях Правил внутреннего трудового распорядка на некоторых предприятиях. Отмена табельной системы регистрации выхода на работу (контроль в самом коллективе), предоставление права некоторым рабочим сдавать продукцию без контроля ОТК (личное клеймо на деталях и личная ответственность), ответственность за нарушение трудовой дисциплины перед коллективом — таковы некоторые моменты соблюдения трудовой дисциплины, которые не отменяют право-

²⁰ См. Положение о правах фабричного, заводского, местного комитета профессионального союза, утвержденное Указом Президиума Верховного Совета СССР от 15 июля 1958 г.

²¹ См. «Советская Эстония», 1962, 18 июля.

²² В. И. Ленин, Соч., т. 27, стр. 239.

вых требований, а лишь в конкретных условиях того или иного предприятия заменяют их моральными.

Таким образом, в области трудовых отношений:

1. Нормы права, выступая направляющим участником взаимодействия, оформляют наиболее целесообразную систему организации труда и создают все необходимые условия для достижения общественно-необходимых его результатов.

2. Нормы морали являются главным регулятором внутреннего отношения человека к общественно-полезному труду, средством, формирующим взаимосвязь материальных и моральных стимулов к труду. Отражая экономический уровень развития нашего общества («От каждого по его способностям, каждому по его труду»), нормы морали создают все условия для превращения в будущем моральных стимулов к труду в ведущие для всех членов общества.

3. Развитие и усиление моральных требований в период развернутого строительства коммунизма может вызвать известное изменение границ между моральным и правовым регулированием, но не может лишить последнее его направляющей и объективно-необходимой роли.

СЕМЕЙНЫЕ ОТНОШЕНИЯ. Нет надобности специально останавливаться на важности правильного регулирования семейных отношений в обществе, строящем коммунизм. Семья как ячейка общества связана тысячами видимых и невидимых нитей со всей жизнью государства. Рассмотренные нами имущественные и трудовые отношения прямо или косвенно накладывают свой отпечаток и на жизнь семьи. Однако такая связь не только не лишает семейные отношения их специфики, но, наоборот, делает их предметом особого внимания для партии, государства и общества. Поэтому для выяснения характера взаимодействия норм права и морали в этой области необходимо исходить из сущности и содержания семьи как общественного явления.

Особенностью формирования семейных отношений является то, что они возникают на естественной природной основе — различии полов. Однако связь полов в человеческом обществе приобретает два новых качества: во-первых, животный инстинкт полового влечения по мере того, как человек становится *родовым существом*, трансформируется в *человеческую* потребность;²³ во-вторых, союз полов по отношению к обществу становится одним из проявлений социальной жизни. Социальный характер семьи обусловлен определенной экономической основой, которая формирует семейные отношения в соответствии со своими качествами и свойствами. Следствием и проявлением социальной

²³ См. К. Маркс и Ф. Энгельс, Из ранних произведений, 1956, стр. 587.

значимости семьи выступают такие ее функции, как ведение домашнего хозяйства и забота о воспитании детей. Совершенно ясно, что семья как социальная единица делается объектом особой регламентации со стороны общества.

Семейные отношения представляют собой совокупность взаимоперекрещивающихся, вытекающих друг из друга, дополняющих друг друга связей между членами семьи. В основании этих связей лежит связь мужчины и женщины, то есть семейные отношения между супругами (брачные отношения). Брачные отношения многосторонни: они характеризуются положением мужчины и женщины в союзе, их имущественными связями, духовными сторонами жизни и т. д.

С рождением детей возникают семейные отношения между родителями и детьми. В связи с этим появляется новая сторона отношений — забота о воспитании детей, а сфера имущественных и духовных сторон жизни, характеризующая брачные отношения, расширяется. Аналогичен характер отношений, возникающих в связи с усыновлением.

Поскольку семья основывается на браке и отношениях кровного родства, то в сфере семейных связей оказываются все взаимоотношения родственников как по восходящей и нисходящей линии (дед, бабушка, внуки), так и по боковой (братья, сестры).

Все семейные отношения регулируются нормами морали. Важнейшее требование коммунистической морали к брачному союзу — заключение его на основе любви. Любовь как социально обусловленное чувство представляет собой явление исторически развивающееся. Все необходимые предпосылки для его развития дала моногамная форма семьи. Однако, сопутствуя антагонистическим формациям, моногамия была бессильна вырвать любовь из связывающих ее пут частнособственнических отношений, была неспособна сделать ее единственным основанием для брака. Но предыстория человеческого общества подготовила возникновение любви такой силы и продолжительности, «что невозможность обладания и разлука представляются обоим сторонам великим, если не величайшим, несчастьем».²⁴

Социалистические преобразования общества дали моногамной форме брака новую сущность, сделали основой брака взаимную любовь. Поэтому нормы коммунистической морали в наше время требуют свободы в выборе супруга, равного их положения, отношений товарищеского сотрудничества, взаимного уважения. Отражая уровень экономического развития нашего общества, нормы морали регулируют их имущественные отношения, требуют взаимной материальной поддержки. Коммунистическая мораль резко осуждает проявления духовного неравенства супругов и требует от них духовного единства между

²⁴ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 21, стр. 80.

собой и обществом на основе взаимного интеллектуального обмена друг другом.

Следует отметить, что экономические и социальные условия первой фазы коммунизма (необходимость ведения совместного домашнего хозяйства и в связи с этим соображения материального порядка) еще не обеспечивают полного развития моногамии, в основе которой должна быть только любовь. Религиозные предрассудки, частнособственнические пережитки, узкоэгоистические стремления отдельных отсталых граждан и некоторые другие явления в ряде случаев нарушают или даже лишают брачные отношения их объективной сущности. Но все эти аномалии не представляют собой явлений, объективно обусловленных жизнью социалистического общества. Они есть результат субъективных противоречий внутри нравственного долга и могут быть устранены путем воспитания и самовоспитания. Это и есть средство развития и совершенствования социалистических брачных отношений, и нормы морали выступают как инструменты этого процесса.

Так же четко регулируют нормы морали отношения между родителями и детьми. Принцип коммунистической морали — забота о воспитании детей — реализуется в нормах, требующих установления крепких связей между родителями и детьми, всестороннего воспитания последних, привития им лучших качеств, необходимых человеку коммунистического общества (любовь к труду, честность, уважение к старшим и т. п.), материальное обеспечение и т. д. Мораль устанавливает многообразные правила отношения детей к своим родителям, особенно когда дети становятся способными вести самостоятельную трудовую жизнь. Уход детей из-под крова родителей не освобождает их от нравственного долга оказывать родителям материальную и духовную поддержку. При этом нормы морали акцентируют свое внимание не только на то, в чем конкретно помощь выражается (деньги, вещи, совет и т. п.), но и на то, как оказывается эта поддержка, удовлетворяет ли она родительские чувства.

На взаимоотношения по родству, которые также входят в круг семейных отношений, мораль распространяет те же нормы, которыми регулируются взаимоотношения родителей и детей. (По существу отношения родителей и детей есть часть отношений по родству.) Однако объем и сила моральных требований прежде всего зависят не от степени родства по крови, а от фактического участия данного родственника во всех семейных отношениях как в настоящем, так и в прошлом. Почти во всех случаях нормы морали требуют оказания материальной поддержки нуждающимся родственникам.

Таковы основные требования норм морали к семейным отношениям. Но может ли общество в наши дни ограничиться воздействием на семейные отношения только нормами морали?

Очевидно, нет. Одна мораль не в силах обеспечить правильного соотношения интересов членов семьи между собой и с обществом, поскольку необходимы четкая регламентация материальных отношений внутри семьи и единые требования к воспитанию детей. На помощь морали приходят нормы права. Но их возможности по регулированию семейных отношений ограничены. Их специфика — иметь дело только с явлениями — делает предметом законодательства, лишь те аспекты семейных отношений, которые по своей природе обладают внешней стороной.

Исходным моментом для права становится форма союза мужчины и женщины, то есть брак. «Если бы брак не был основой семьи, то он так же не являлся бы предметом законодательства, как, например, дружба».²⁵ Прежде всего социалистическое право связывает все брачные отношения с регистрацией брака. Фактом регистрации брака государство не только фиксирует наличие брака, но и поддерживает его, берет под свою охрану. Нормы права устанавливают и условия вступления в брак. Важнейшим условием является взаимное добровольное согласие брачующихся. Не имея возможности проникнуть в сущность, то есть выявить, на чем основывается регистрируемый брак, норма права исходит из предположения, что соблюдение этого условия может быть признаком взаимной любви будущих супругов. Кроме того, нормы права устанавливают брачный возраст, единобрачие и степени родства, препятствующие браку. Этим право устанавливает ограничения к возникновению браков, которые нежелательны и вредны. Зарегистрированный брак порождает правовую регламентацию взаимоотношений супругов. Нормы права берут под свой контроль отдельные элементы этих отношений: вопрос о фамилии вступивших в брак, об их правах на выбор профессии, местожительства, об их правах на имущество как добрачное, так и приобретенное в браке, об их праве на взаимную материальную поддержку. Все эти нормы прямо соответствуют требованиям коммунистической морали, так как закрепляют равенство мужчины и женщины в брачном союзе, защищают их имущественные интересы. Следует иметь в виду, что последние становятся предметом права только тогда, когда возникает спор между состоящими или состоявшими в браке, ибо порядок ведения общего хозяйства устанавливается по взаимному соглашению супругов и регулироваться нормами права не может.

Особый порядок по ныне действующему законодательству установлен для расторжения брака. Прекращение брака допускается только путем развода через суд. При этом существующими нормами права устанавливается целый ряд процедур (начиная от публикации объявления в газете и кончая разбирательством в суде второй инстанции), которые по замыслу зако-

²⁵ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 1, стр. 162.

нодателя должны как помешать легкомысленному отношению к браку, так и усилить заботу о детях, матерях и укрепить семью в целом.

Однако практически действующий порядок расторжения брака не достигает указанных целей полностью. Основной порок существующей правовой регламентации порядка расторжения браков заключается, на наш взгляд, в том, что он противоречит моральной основе брака, пытается воздействовать на такие стороны брачных отношений, которые праву абсолютно «неподведомственны». Желая не допустить вредных последствий, могущих иметь место и касающихся главным образом будущего детей, законодательство фактически не может справиться с этой задачей, так как эти последствия возникают в другом месте — в новых, фактически образующихся семьях, когда предыдущий брак сам собою прекращается. В нашей печати общественность неоднократно выступала и выступает против публикаций извещений о бракоразводных делах в газете, критиковала правовую роль народного суда в расторжении брака и т. п., как меры вредные для воспитания подрастающего поколения, наносящие психические травмы честным и порядочным людям, пожелавшим расторгнуть брак. Мало этого, сложный процесс расторжения брака с его неопределенным исходом очень часто откладывается бывшими супругами до тех пор, пока кто-либо из них не создаст новую семью, и мораль начинает по меньшей мере терпимо относиться к этому. В то же время искусственность процесса неминуемо вызывает неопределенные элементы правовых норм. Такова норма, по существу не устанавливающая критериев для развода супругов (ст. 21 КЗоБСиО), норма, требующая, чтобы народный суд «принял меры к примирению супругов» (ст. 20 того же кодекса). (Как будто речь идет о гражданско-правовой сделке!).

«Развод есть только установление факта: данный брак есть умерший брак, его существование есть только видимость и обман».²⁶ Поэтому для органа, регистрирующего расторжение брака, главной задачей становится определение факта смерти брака, что, по словам К. Маркса, зависит от существа дела, а не от *желаний* заинтересованных сторон.²⁷ Молодой К. Маркс связывал уверенность при констатации естественного прекращения брака с сознательным выражением в законе народной воли.

Думается, что эти мысли К. Маркса (заметим, не претерпевшие изменения в его последующих работах) должны лежать в основе нашего законодательства о разводе не только формально, но и по существу. На наш взгляд, закон должен считать единственными критериями для расторжения брака требования

²⁶ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 1, стр. 163.

²⁷ См. К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 1, стр. 163.

коммунистической морали. Именно объективное сопоставление требований морали с фактической сущностью морального отношения супругов может дать ответ на вопрос: умер брак или нет. По-видимому, лучшим местом для выяснения этого обстоятельства был бы орган государства. Следует учесть, что в связи с расторжением брака возникают и другие вопросы, решение которых без авторитета государства в наше время немыслимо. Таковы вопросы имущественного раздела, алиментные обязанности, решение о дальнейшей судьбе детей. Все указанное делает целесообразным разрешать эти вопросы в народном суде, не придавая судебному разбирательству характера «бракоразводного процесса».

Другой неоправданной крайностью в сравнении с ныне действующим законодательством был бы регистрационный (явочный) порядок расторжения брака. При таком порядке так называемая «свобода половой любви» выходила бы из-под контроля общества, на место закономерной связи интересов семьи с интересами общества ставился бы произвол отдельных лиц. «Кто произвольно расторгает брак, тот этим утверждает, что произвол, *беззаконие есть закон брака*».²⁸ И дело здесь не в том, что явочный порядок расторжения брака мог бы способствовать легкомыслию отдельных лиц (для людей, распущенных в половом отношении, никакой закон не может быть помехой), а в том, что этот порядок лишил бы брак его социального характера, ставил бы его жизненность в зависимость только от желаний заинтересованных сторон.

Часто аргументация в защиту тех или иных положений о регулировании брачных отношений опирается, как на главный довод, на необходимость заботиться о детях, интересы которых при расторжении брака значительно страдают. Это, конечно, верно. Но возникают вопросы: разве положение ребенка, родители которого, формально находясь в браке, фактически разорвали брачное отношение, лучше, чем ребенка, родители которого официально расторгли брак? Или: разве положение ребенка, проживающего вместе с родителями, находящимися в формальном, а не фактическом браке, лучше, чем положение ребенка, проживающего с одним из родителей и возможно даже нашедшего для себя нового отца или мать? И таких «разве» можно было бы привести очень много. Но всякий раз, давая ответы на эти вопросы, мы должны будем констатировать: если брак умер, то закону остается только принять все меры к защите интересов детей. Пытаться воскресить брак для этого бессмысленно. Отсюда следствие: интересы детей должны защищаться государством независимо от брачных отношений. Вступая в брак, мужчина и женщина становятся мужем и женой, рождение ребенка

²⁸ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 1, стр. 162.

делает их родителями. Это качество не является подчиненным или вытекающим из первого. В беседе с Кларой Цеткин В. И. Ленин говорил: «... В любви участвуют двое, и возникает третья, новая жизнь. Здесь кроется общественный интерес, возникает долг по отношению к коллективу».²⁹

Нормы права очень четко регламентируют (в меру своих объективных возможностей) взаимные обязанности родителей и детей. Они регламентируют вопросы об основаниях возникновения прав и обязанностей родителей и детей, о личных и имущественных взаимоотношениях родителей и детей, о защите и представительстве родителями интересов детей. Однако по ныне действующему законодательству все взаимные права и обязанности между отцом и детьми возникают только в случае, когда между матерью детей и их отцом брак зарегистрирован. Это правило создает ряд проблем, пагубно влияющих на моральное и материальное положение ребенка. Коммунистическая мораль не может мириться с формальными критериями, от которых зависело бы выполнение отцом своих родительских обязанностей, точно так же, как она возмущается «особым» положением ребенка матери-«одиночки».

Коммунистическая партия и Правительство принимают все меры к тому, чтобы обеспечить нормальную жизнь детям, отец которых юридически не установлен; эти дети безусловно растут как полноправные члены нашего общества. Однако, в записи о рождении ребенка фиксируется только его мать, отец же не обязан оказывать материальной помощи. Показательно, что под напором общественного мнения некоторые суды принимают к рассмотрению иск матери для получения алиментов от фактического отца ребенка и пытаются удовлетворить иск на основании ст. 42³ КЗоБСиО, устанавливающей обязанность ответчика платить алименты не как отца, а как лица, на иждивении которого ребенок находился.³⁰ Ясно, что эта благородная попытка обойти закон свидетельствует о том, что закон неудачен.

Думается, что правильным решением этой проблемы было бы возложение на отца ребенка родительских обязанностей независимо от того, состоял ли он в зарегистрированном браке с матерью ребенка или нет. Если отсутствие зарегистрированного брака лишает мужчину и женщину правового регулирования семейных отношений между собой, то оно не должно, не может влиять на правовую регламентацию отношений отца со своим ребенком. Поэтому целесообразно ввести правила о признании через суд отцовства и возложении на отца алиментных обязанностей. Разумеется, законодательство должно обеспечить признание отцом действительного отца и исключить ошибочные реше-

²⁹ К. Цеткин, Воспоминания о Ленине, М., 1955, стр. 49.

³⁰ См. статью «Жизнь и загсовский бланк», «Известия», 1962, 17 января.

ния. По-видимому, в основу решения о признании отцовства могли бы лечь положения законодательства, действовавшего до 1944 г., а именно: факт совместного сожительства, наличие общего хозяйства, совместное воспитание детей и т. п.

Важным фактором укрепления семьи, контроля за выполнением родителями своих функций воспитателей становится влияние общественности. Нормы морали были бы слишком пассивны, если бы они брали под свой контроль только отношения, возникающие при распаде семьи. Старый взгляд на семью как на «чужой монастырь, в который со своим уставом не ходят», постепенно меняется в том смысле, что общественное мнение прямо или косвенно все более и более оказывает влияние на уклад жизни этого «монастыря». Формы этого влияния разнообразны, так как семейные отношения имеют много интимных сторон, куда доступ постороннему взгляду закрыт. Однако взаимоотношения мужа и жены, их отношение к воспитанию детей как проявление общественного поведения не может быть только внутренним семейным делом. В решении этих вопросов важную роль играют товарищеские суды. Если их деятельность становится повседневной, опирается на принципиальные требования коммунистической морали, то они оказываются эффективным и в ряде случаев вполне достаточным средством для нормализации семейных отношений. Конечно, их вмешательство в семейную жизнь допустимо только в связи с фактами, прямо свидетельствующими об искажении социальной и моральной сущности семьи нашего общества.

Таким образом, характеризуя взаимодействие норм права и морали в области семейных отношений, можно утверждать:

1. Главным регулятором семейных отношений являются нормы морали; они ведут вполне независимую от норм права жизнь и почти не испытывают на себе формирующего влияния права.

2. Нормы права должны опираться на требования морали, чтобы закрепить за семейными отношениями их социальное значение.

3. Нормы права должны регулировать имущественные отношения между членами семьи, так как нормы морали без правового регулирования не могут гарантировать формальной четкости и не обладают достаточной силой для разрешения возможных имущественных споров и защищать интересы детей, чтобы не допустить таких отклонений от требований коммунистической морали, которые могли бы причинить непоправимый вред личности будущего члена общества.

БОРЬБА С ПРЕСТУПНОСТЬЮ. Кажется, нет другой такой области права, которая могла бы претендовать на особое место в общей теории права, как уголовное законодательство. И не случайно: очень часто обобщения теории права не в состоянии

«подвести» под общую рубрику или структуру нормы уголовного права, или схему уголовно-правового отношения, или характер регулирующей роли этой отрасли права и т. д., и т. п. Уже эти факты требуют поисков ответа на вопрос, в чем специфика уголовного права, не в явлениях, а в сущности, точнее: требуют перехода от явления к сущности.

Любая норма права, любое правоотношение опираются на определенное общественное отношение. Вся система права выполняет функции охраны, закрепления и развития общественных отношений в интересах тех социальных сил, в чьих руках она находится в качестве инструмента. Если бы мы проанализировали соотношение этих трех взаимосвязанных функций права, то мы должны были бы сказать, что нет такого правового института, нет такой нормы права, которые не выполняли бы одновременно всех этих задач. Но удельный вес каждой функции в различных сферах права различен. Особенно это заметно при переходе от общего к отдельному, то есть к нормам права. Например, норма права устанавливает: «Государственные предприятия, здания и сооружения передаются от одной государственной организации другой безвозмездно».³¹ Эта норма прямо *закрепляет* определенную группу имущественных отношений между государственными организациями и косвенно служит целям охраны и развития этих же отношений. Еще пример: «В случае неисполнения или ненадлежащего исполнения обязательства должником он обязан возместить кредитору причиненные этим убытки».³² Здесь норма права прямо *охраняет* имущественное отношение от нарушения его должником и косвенно закрепляет и создает условия для нормального развития этих отношений.

Перемещение «центра тяжести» с одной функции на другую внутри системы норм права позволяет, образно говоря, построить такой «спектр норм права», в котором каждая из функций права будет иметь свой минимум и максимум. Все нормы права (как в общей системе, так и в отдельных институтах), которые прямо *охраняют* определенные отношения, мы можем рассматривать как обеспечивающие функцию защиты этих отношений.

Функция защиты общественных отношений — общественная функция. Она не является монополией права. И при первобытно-общинном строе социальные группы защищали от нарушений естественно складывавшиеся в их среде отношения. И в классово-антагонистических формациях ряд отношений охраняется без правового вмешательства и часто даже вопреки ему. (Например, борьба пролетариата со штрейкбрехерством.)

³¹ Основы гражданского законодательства Союза ССР и союзных республик, ст. 22.

³² Там же, ст. 36.

В нашем обществе, не скованном узкоклассовыми интересами, в деятельности общественных организаций, в самостоятельности масс по-новому раскрывается внеправовая охрана почти всех общественных отношений. И эта деятельность у нас осуществляется единым фронтом с деятельностью государства.

Необходимость охраны общественных отношений вызывает к жизни новые общественные отношения. Особенностью последних является то, что одним из субъектов всегда будет орган, выступающий от имени общества, действующий в его интересах. При правовой защите таким субъектом выступает государство в лице его определенных органов. Используя нормы права, государство становится участником правового отношения, формируемого на соответствующем «охранительном» общественном отношении.³³ В этом качестве государство выступает при защите всех общественных отношений, регулируемых всеми отраслями социалистического права.

Характер нарушения общественных отношений может быть различным. Его социальное значение определяется степенью общественной опасности. Нарушение общественных отношений, представляющее собой высшую степень опасности для общества, выступает как преступление.

Возвращаясь к образному сравнению функций права со «спектром правовых норм» внутри различных отраслей права, мы можем сказать, что соединение вместе всех норм «максимума» функции защиты общественных отношений, нарушение которых расценивается как преступление, порождает особую отрасль права — уголовное право.

Особенностью правовых отношений, вытекающих из фактов нарушения общественных отношений, является то, что они возникают только как последствие нарушения.³⁴ И это вновь возникшее правовое отношение имеет целью ликвидировать нарушение или его последствия для нормального осуществления охраняемого общественного отношения. Заметим, что общественные отношения, выполняющие функции защиты, сами могут быть нарушены. Этим объясняется наличие норм, охраняющих «охранительные» общественные отношения. (Например, ответственность за недобросовестную охрану государственного или общественного имущества, за вынесение заведомо неправосудного приговора и т. п.) Субъектом правового отношения, возникающего в результате нарушения правопорядка, становится

³³ Проф. Н. Г. Александров назвал эти правовые отношения охранительными. См. «Законность и правоотношения в советском обществе», Госюриздат, 1955, стр. 91.

³⁴ О. С. Иоффе, М. Д. Шаргородский пишут: «Мы придерживаемся того взгляда, что уголовное правоотношение возникает лишь в момент совершения преступления». (Вопросы теории права, Москва, 1961, стр. 215). Добавим, что таков характер всех правоотношений, возникающих в процессе защиты государством общественных отношений.

лицо, приобретшее новое общественное качество, — правонарушитель. (В уголовном правоотношении — преступник.)

Мораль всегда осуждала и осуждает всякие нарушения общественных отношений. В этой области нормы морали выступают как запреты. Естественно, что в обществе, живущем по законам социальных антагонизмов, очень часто моральные запреты эксплуатируемых прямо противоположны правовым и моральным требованиям эксплуататоров. (Особенно в области социальных, политических и имущественных отношений.) Но и там, где они совпадают (например, по поводу нарушения элементарных правил общежития), это совпадение относительно, временно, ибо оно отражает относительное единство общества, раздираемого абсолютными классовыми противоречиями.

Коммунистическая мораль, имеющая единую социально-экономическую природу с социалистическим правом, выступает как активный фактор в защите социалистических общественных отношений. Выполняя функции защиты общественных отношений, нормы морали берут под свой контроль даже такие отношения, которые сами по себе моралью не регулируются. Как известно, ряд административных, процессуальных и т. п. действий находится вне сферы морали. Но нарушение подобных правил немедленно делает их предметом морального отношения. (Например, недобросовестное составление следователем протокола осмотра места происшествия, нарушение правил технической безопасности и т. п.) Таким образом социальный смысл отношения к любым нормам (в том числе и техническим) делает это отношение предметом моральной оценки.

С точки зрения коммунистической морали преступление — высшая степень аморального поведения. Однако нормы морали, сталкиваясь с нарушениями общественных отношений, часто бессильны решить одну из двух или обе вместе задачи: во-первых, определить ту меру поведения нарушителя, которая делает последнего преступником, и, во-вторых, применить к нарушителю те формы социального воздействия, которые соответствовали бы характеру нарушения. На помощь нормам морали приходят нормы права. Эта помощь не умаляет требований морали. Все дело в том, что процесс развития норм коммунистической морали главным образом связан с конкретизацией границы между добром и злом, в то время как определение меры нравственных критериев без надлежащего масштаба не всегда посылно для норм морали. В то же время средства общественного мнения часто оказываются слабыми для борьбы с преступлениями. Если бы мы метафизически оторвали нормы морали от норм права, то мы должны были бы признать внутреннюю слабость норм морали. Но в этом случае не менее слабыми оказались бы и нормы права. Взаимодействие норм права и морали представляет собой закономерный, социально-экономически

обусловленный процесс, в котором развитию и изменению подвергаются оба участника этого взаимодействия. Поэтому нормы права в свою очередь нуждаются в помощи со стороны морали.

Характерно, что нормы права без моральной поддержки испытывают «слабость» в тех же пунктах, что и нормы морали. Во-первых, нормы права сами по себе не могли бы квалифицировать то или иное деяние как преступление, если бы они не опирались на моральную оценку этого деяния как в высшей степени аморального; и это не парадокс: нормы морали без правовых не всегда могут определить меру зла, но нормы права без моральных не могут признать какое-либо деяние злом. Во-вторых, ни одна правовая норма, направленная против преступлений, не сможет добиться ликвидации этого вида преступления без помощи общественного мнения. Такие нормы, изолированные от требований морали, обречены на борьбу с «ветряными мельницами». Их применение создавало бы только видимость укрепления правопорядка.

Практика борьбы с преступлениями в нашей стране раскрывает ключевые моменты взаимодействия норм права и морали в этой области. Особенно показательны сдвиги в характере связи норм уголовного права и морали в период после XX съезда партии. Можно отметить по крайней мере три момента, характеризующие эту связь.

Во-первых, был издан ряд уголовных законов, выражающих прямое требование коммунистической морали санкционировать ее нормы, придать последним силу государства. Таковы, например, ст. 125 УК ЭССР, устанавливающая уголовную ответственность за оставление без помощи лица, находящегося в опасном для жизни состоянии (соответствующая ст. 127 УК РСФСР, значительно шире отражающая защиту моральных принципов коллективизма и взаимопомощи, на наш взгляд более удачна); ст. 223 УК РСФСР, признающая преступлением загрязнение водоемов и воздуха; закон, принятый Верховным Советом ЭССР 8 июня 1961 г., «Об усилении борьбы с антиобщественными, паразитическими элементами»³⁵ и ряд др.

Такое направление связи норм права и морали объясняется не ростом преступности в тех или иных областях жизни нашего общества, а ростом требовательности общества к своим членам. Чем сознательнее люди, тем непримиримее они к недостаткам. А эта непримиримость часто нуждается в подкреплении моральных санкций санкциями правовыми.

Во-вторых, ряд нормативных актов вводит уголовную ответственность за такие деяния, которые формально уже предусмотрены законом. Однако законодатель решает выделить их из более широких норм и, исходя из конкретных условий жизни,

³⁵ Опубликовано в газете «Советская Эстония» от 11 июня 1961 г.

усилить борьбу именно с этими правонарушениями. Таковы, например, Указы Президиума Верховного Совета СССР «Об ответственности за приписки и другие искажения отчетности о выполнении планов» от 24 мая 1961 г. и «Об уголовной ответственности за преступно-небрежное использование или хранение сельскохозяйственной техники» от 29 декабря 1961 г. Состав преступления, предусмотренный первым Указом, представляет собой разновидность должностного подлога, который наказывался и прежде (ст. 166 УК ЭССР), а вторым — форму преступлений против государственного и общественного имущества (ст. ст. 97—99 УК ЭССР). Издание подобных актов имеет огромное мобилизующее значение для морали. При их помощи мораль приобретает для своих норм необходимый масштаб меры для оценки поведения, благодаря чему нормы морали конкретизируются и становятся более действенными.

В-третьих, некоторые уголовные нормы утратили свою силу, передав функцию защиты ряда общественных отношений нормам морали. Таковы, например, отмененные нормы ответственности за преподавание малолетним или несовершеннолетним религиозных вероучений (ст. 122 УК РСФСР 1926 г.), за возбуждение суеверия (ст. 123 УК РСФСР 1926 г.), за понуждение женщины к вступлению в половую связь (ст. 154 УК РСФСР 1926 г.)³⁶ и некоторые другие. Здесь нормы морали в результате социально-экономических изменений приобрели такую силу, что они могут самостоятельно защищать целый ряд общественных отношений. Разумеется, эти случаи нельзя смешивать с прекращением действия уголовного закона в связи с прекращением существования охраняемого ранее общественного отношения (например, ст. 87-а УК РСФСР 1926 г. об аренде и субаренде земли) или в связи с ликвидацией самого нарушения (например, ст. 155 УК РСФСР 1926 г. о принуждении женщины к занятию проституцией).

Рассмотренные нами моменты взаимодействия норм права и морали усиливаются широкими возможностями перехода от правового и морального воздействия на нарушителя правопорядка только к моральному воздействию. Во-первых, в ряде случаев правонарушение, формально содержащее признаки преступления, может не являться таковым в силу своей малозначительности. В этих случаях человек может рассматриваться как нарушитель только норм морали. Во-вторых, лицо, совершившее преступление, может быть при определенных обстоятельствах освобождено от наказания и передано либо на поруки общественности, либо на рассмотрение в товарищеский суд. В этих случаях моральное воздействие (общественное мнение)

³⁶ По новому УК ЭССР (1961 г.) данное преступление не предусмотрено. Однако кодекс РСФСР 1960 г. сохранил его характеристику без изменения квалификации (ст. 118).

замещает санкцию нормы права (наказание), не меняя квалификации правонарушения. Важно отметить, что решение вопроса о применении или неприменении мер уголовного наказания к правонарушителю полностью находится в руках соответствующих государственных органов. Однако общественная организация или коллектив трудящихся, взявшие виновного на поруки, или товарищеский суд могут признать невозможным исправление преступника мерами общественного воздействия и ходатайствовать о принятии мер уголовного наказания.

Такова подвижная граница между нормами права и морали, взаимодействующими на фронте борьбы с преступлениями. Возникает вопрос: в чем может выражаться противоречие между правовыми и моральными нормами в этой области? Очевидно, что противоречие должно проявляться в различной степени несогласованности взаимосвязанных норм права и морали. Всякий раз, когда мораль начинает предъявлять новые или повышенные требования к праву, охраняющему общественные отношения, возникает необходимость восстановить нарушенное несоответствие путем изменения старых норм права или принятия новых. Перед законодателем стоит задача не допускать углубления противоречия и своевременно разрешать его.

Наиболее ярким примером разрешения такого противоречия, даже вопреки первоначальному замыслу законодателя, служит вопрос о применении смертной казни. Указом Президиума Верховного Совета СССР от 26 мая 1947 г. была отменена смертная казнь за все преступления, за которые она была установлена действующими законами. Несвоевременность этой меры вскоре обнаружила себя. В государственные органы стали поступать заявления от общественных организаций, от союзных республик, от деятелей науки о необходимости сохранить смертную казнь для особо опасных преступников. Указом Президиума Верховного Совета СССР от 12 января 1950 г. была восстановлена смертная казнь за измену Родине, шпионаж и диверсии. Однако общественность не могла мириться с мягкостью наказания за умышленное убийство, особенно при отягчающих обстоятельствах. Справедливые требования общественного мнения были удовлетворены: Указом Президиума Верховного Совета СССР от 10 апреля 1954 г. была снова допущена санкция в виде расстрела за умышленное убийство при отягчающих вину обстоятельствах. Так на протяжении семи лет разрешалось противоречие между нормами права и моралью. Примером сравнительно быстрого и своевременного разрешения противоречия может служить установление уголовной ответственности за нарушение порядка приобретения строительных материалов для индивидуального жилищного строительства в Эстонской ССР.³⁷

³⁷ Закон Верховного Совета ЭССР от 8 июня 1961 г., опубликован в газете «Советская Эстония» от 14 июня 1961 г. (в УК ЭССР ст. 188.1)

Возмущение общественности различного рода «махинациями» некоторых так называемых индивидуальных застройщиков было решительно поддержано нормами права.

Уголовно-правовая норма не может рассчитывать на активную поддержку со стороны общественного мнения, если она не будет убеждающей, а только карающей. Обычно, если создается такое положение, то запрет, введенный нормой, или не выполняется, или применение нормы вызывает по меньшей мере недоумение общественного мнения. Такой, например, была норма, устанавливающая ответственность за самовольный проезд в товарных поездах, да еще с санкцией без всякого выбора — один год тюремного заключения.

Нарушение равновесия между правовыми и моральными требованиями может иметь место при поспешности в проведении тех или иных изменений в области уголовного законодательства. Обычно такая поспешность принимает характер кампании. Так, в течение некоторого периода после принятия второй сессией Верховного Совета СССР 5 созыва (декабрь 1958 г.) решений о расширении роли общественности в борьбе с преступлениями и, в частности, о возможности по ходатайству организаций применять условное осуждение и возложение на эти организации обязанностей по перевоспитанию и исправлению условно осужденного (ст. 38 Основ уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик), было не мало фактов, вызывавших возмущение общественности. Некоторые органы суда и прокуратуры стали применять эту статью без учета характера совершенного преступления, без проверки того, кто ходатайствует, и имеет ли он возможность заниматься перевоспитанием осужденного. Такой формализм в передаче на поруки не вел к усилению борьбы с правонарушениями, но объективно превращался в ослабление борьбы, создавал условия фактической безнаказанности. Потребовался ряд правовых актов и, главным образом, принятие УК Союзных республик, четко регламентировавших этот вопрос, чтобы взаимодействие норм права и морали вошло в необходимое русло.

Как видно из сказанного, взаимодействие норм права и морали предъявляет определенные требования к субъективному фактору. Поскольку мы пока вели речь о нарушении взаимодействия «по вине» правовых норм, то роль субъективного фактора сводится, во-первых, к определению момента возникновения противоречия (учет общественного мнения); во-вторых, к определению конкретных путей его разрешения (совершенствование норм права); в-третьих, к использованию всех возможностей для дальнейшего развития, поскольку противоречие устранено (контроль за практикой борьбы с преступностью).

Но источником противоречий между правовыми и моральными нормами могут быть последние. Главная причина этого

заключается в том, что субъективно некоторая часть общества продолжает считать свои взгляды соответствующими интересам общества, тогда как объективно эти взгляды начинают превращаться в помеху для общественного развития. Практика борьбы с преступностью показывает, что некоторые люди проявляют моральную снисходительность при оценке ответственности за преступление, совершенное в состоянии опьянения (противоречие с требованиями ст. 12 УК ЭССР), считают возможным избежать роли свидетеля (противоречие с требованиями ст. 173 УК ЭССР), в ряде случаев оправдывают самоуправство (вопреки требованиям ст. 188 УК ЭССР) и т. п. Эти противоречия с правовыми нормами по существу есть противоречия внутри самой морали. Для их устранения требуется вовлечение всех граждан в активную общественную жизнь и глубокое разъяснение уголовного законодательства, пропаганда юридических знаний.

Взаимодействие норм права и морали прямо связано с поддержанием социалистической законности. Факты свидетельствуют о том, что наше общество не гарантировано от отдельных проявлений беззакония и произвола, что эти явления, как чуждые природе социализма, должны выжигаться каленым железом. Эта задача по плечу только объединенным силам общественного и государственного воздействия. Поэтому важным звеном в укреплении законности является единство уголовноправовых норм и требований коммунистической морали.

Таким образом, анализ взаимодействия норм права и морали в области борьбы с преступностью показывает следующее:

1. Ведущим участником взаимодействия являются нормы права. Только нормы права, выражая интерес общества, могут предельно четко и обоснованно провести границу между различными степенями нарушений общественных отношений и выделить из них нарушения, представляющие наибольшую социальную опасность; только нормы права обеспечивают санкции, соответствующие такому виду правонарушений.

2. Нормы права способствуют формированию, закреплению и повышению действенности норм морали, поскольку первые будут с наибольшей точностью отражать закономерности общественного развития.

3. Нормы морали, если они выражают стремления передовых слоев нашего общества, становятся объективно необходимым союзником норм права, так как они (нормы морали), во-первых, создают необходимые условия для эффективности норм права и, во-вторых, выполняют роль корректора в деле совершенствования уголовного законодательства.

4. Нормы морали способны самостоятельно проявлять свою силу в борьбе с малозначительными преступлениями, заменяя

уголовные санкции общественным воздействием для исправления и перевоспитания правонарушителя.

*

* *

Итак, анализ объема и границ взаимодействия норм права и морали позволяет нам обратить внимание на следующее:

1) Нормы права и морали регулируют общественные отношения. Однако разные общественные отношения требуют для своего нормального функционирования социальной поддержки различной силы. Одно из мест в числе этих социальных сил принадлежит нормам морали. Сила норм морали определяется двумя обстоятельствами: объективной реальной возможностью, обусловленной их природой, и субъективной моральной зрелостью данного человека или коллектива. Первое характеризуется специфическими качествами норм морали: отсутствием четкой фиксации, требующей однообразного подхода к оценке и поведению в разнообразных условиях жизни, ограниченным пределом принуждения, осуществляющимся в форме общественного мнения, зависимостью исполнения долга от внутренних побуждений человека и т. п. Второе обстоятельство ставит силу норм морали в зависимость от того, в какой степени у отдельных людей выполнение требований морали вошло в привычку, имеется ли единство взглядов на поведение в том или ином коллективе, способен ли данный коллектив действительно и эффективно воздействовать на поведение своих членов и т. п. Поэтому регулирование одних общественных отношений может быть обеспечено только нормами морали, для других их совсем недостаточно, третьи могли бы ими регулироваться самостоятельно, если бы была гарантирована необходимая зрелость морального сознания каждого участника общественного отношения. Во всех тех случаях, когда норм морали недостаточно, им на помощь приходят самые сильные из функционирующих социальных норм — правовые.

2) Нормы права и морали выступают как органически связанные в их влиянии на общественные отношения. В основе непосредственного влияния норм друг на друга, которое само по себе может носить только формирующий характер, лежат закономерности социально-экономического развития общества, определяющие характер и возможности регулирующего воздействия как правовых, так и моральных норм. Роль норм права и морали в регулировании общественной жизни определяется специфическим характером связи каждого участника взаимодействия с общественными отношениями. Нормы социалистического права, воздействуя на внешние стороны регулируемых отношений (их проявление, форму), создают все необходимые условия для

такого направления внутренних стремлений участников общественных связей, которое обеспечивает должное отношение людей к объективно необходимым потребностям общественного развития. Нормы коммунистической морали, непосредственно формирующие внутреннее отношение человека ко всем явлениям общественной жизни, делают его нравственные поступки формой общественного поведения.

При взаимодействии норм права и морали (будь то в связи с одним и тем же объемом регулирования или различными сторонами одного и того же общественного отношения) между ними всегда проявляется такая связь, при которой изменение одного участника взаимодействия обязательно выступает как бы причиной или следствием изменения другого. Одним из показателей такой связи служит тенденция усиления убеждающего воздействия норм права и принуждающего, на основе повышения моральной требовательности, — норм морали. При этом государственное принуждение все более приобретает характер общественного по мере того, как последнее делается сознательнее и эффективнее, то есть убедительнее.

3) Строительство коммунизма с особой остротой ставит вопрос об учете конкретного влияния норм права и морали друг на друга. Тем более, что абстрактная оценка роли норм морали и права в их соотношении всегда будет недостаточна для осуществления разносторонней воспитательной работы в конкретных жизненных условиях. Кроме того, нормальное функционирование органов государственной власти, особенно местных, общественных организаций и коллективов трудящихся во многом зависит от правильного выбора форм и методов их деятельности. И если справедливо, что в области создания материально-технической базы коммунизма, для организационной деятельности недостаточно знать цели, а нужно исходить из того, что уже есть, то в такой же мере это справедливо и в области духовной жизни. Большую помощь в планировании общественной жизни оказывают наши печать, радио, телевидение. Но теперь этого явно недостаточно. Задача поголовного привлечения всех трудящихся к управлению делами государства требует новых форм для контактов органов управления и общественного мнения.

Программа КПСС требует: «Обсуждение трудящимися проектов законов и других решений как общегосударственного, так и местного значения должно стать системой. Важнейшие законопроекты следует выносить на всенародное голосование (референдум)».³⁸ Исходя из этого, думается, что назрело время для создания института изучения общественного мнения. Этот институт (называться он может и иначе) должен быть центром для

³⁸ Программа КПСС, Материалы XXII съезда КПСС, стр. 399.

сбора и обобщения данных по всем вопросам, характеризующим уровень и качество общественного мнения определенных слоев, групп, профессий и т. п. граждан, информировать о выводах партийные и государственные органы, вносить конкретные предложения для улучшения воспитательной и организационной работы. Хорошую базу для его организации может представлять ныне действующая система отделений Всесоюзного общества по распространению политических и научных знаний. В его руководство должны входить представители партийных, профсоюзных и других общественных организаций, члены депутатских комиссий Советов депутатов трудящихся, представители интеллигенции и др. Для разработки программы и методики работы целесообразно иметь в институте методическую комиссию, в которую обязательно должны войти преподаватели общественных наук высших и средних учебных заведений, научные работники. Методическую помощь отделениям института на местах желательно осуществлять из одного центра.

Мы считаем, что система таких организаций будет представлять собой важную сеть опорных пунктов для повышения роли коммунистической морали, для улучшения воспитательной работы, короче — для развития духовных предпосылок коммунизма.

II ИЗМЕНЕНИЯ НОРМ ПРАВА И МОРАЛИ В ПРОЦЕССЕ ФОРМИРОВАНИЯ ЕДИНЫХ НОРМ КОММУНИСТИЧЕСКОГО ОБЩЕЖИТИЯ

Характер взаимодействия норм права и морали, рассмотренный нами в предыдущей главе, отражает уровень развития нашего общества в начальный период его поступательного движения к коммунизму и, следовательно, выступает в качестве тех объективных явлений общественной жизни, которым предстоит претерпеть определенные изменения в ходе этого развития.

Ключевые выводы о путях и методах строительства коммунизма с определением сущности высшего этапа коммунистической социально-экономической формации даны в Программе КПСС. Раскрытому в ней процессу изменения экономических, социально-политических и идеологических условий, ведущих к победе коммунизма, должен сопутствовать процесс изменения объективной основы права и морали — отношений между личностью и обществом, между интересом личности и интересом общества. Принцип всеобщего коллективизма будет воплощен в высшей форме организации общественной жизни. «Все производственные ячейки, все самоуправляющиеся ассоциации будут гармонически объединены в общем планомерно организо-

ванном хозяйстве, в едином ритме общественного труда».³⁹ А это не может не изменить связи личности и общества, основа которой — связь интересов личности и общества — должна претерпеть внутренние изменения. «Утвердятся гармонические отношения между личностью и обществом на основе единства общественных и личных интересов».⁴⁰

И социализм, и коммунизм обуславливают гармонию интересов личности и общества. И социализм, и коммунизм исходят из первенства интересов общества над интересами личности. Но если при социализме подчинение интересов личности интересам общества выступает в качестве требования, которое должно быть осознано членами общества, а уровень этого осознания еще сохраняет возможность противоречия между интересом личности и интересом общества, то при коммунизме достигается единство общественного и личного интересов путем возведения последних на такую ступень развития, с которой взгляд на первенство общественных интересов становится выражением само собой разумеющегося способа существования индивидов. Это будет общество, «... в котором общность интересов возведена в основной принцип, в котором общественный интерес уже не отличается от интереса каждого отдельного лица».⁴¹

Эти внутренние изменения в соотношении интересов личности и общества прямо определяют характер морали при коммунизме и характер регулирующей роли права при строительстве коммунизма. Эти же изменения требуют, по крайней мере, выяснения таких вопросов: каковы формы и методы воздействия права на общественные отношения в условиях слияния личных и общественных интересов; каким должен быть объективный процесс связи и взаимодействия норм права и морали для формирования единых норм коммунистического общежития; каковы формы и методы общественного воздействия на личные интересы членов общества для достижения гармоничного единства их с общественными.

Ясно, что для ответа на поставленные вопросы необходимо понимание конкретных условий строительства коммунизма, которые прямо формируют изменения в соотношении норм права и морали.

1. Стирание различий между нормами права и морали в процессе их взаимодействия

Рассмотрим объективную закономерность взаимодействия норм права и морали в ходе строительства коммунизма в отдельных сферах общественной жизни.

³⁹ Программа КПСС, Материалы XXII съезда КПСС, стр. 367—368.

⁴⁰ Там же.

⁴¹ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 2, стр. 538.

ИМУЩЕСТВЕННЫЕ ОТНОШЕНИЯ. Важнейшим рычагом, преобразующим связь норм права и морали в области экономических отношений, является рост общественных фондов потребления и последовательное расширение сферы удовлетворения потребностей граждан за его счет. Уже к концу двадцатилетия (к 1980 г.) в объеме всей суммы реальных доходов населения общественные фонды потребления составят около 50%. Они будут обеспечивать бесплатное пользование квартирами и коммунальными услугами, бесплатное пользование коммунальным транспортом, некоторыми видами бытового обслуживания и т. п. Значительно расширится, в сравнении с тем, что достигнуто в нашей стране в настоящее время, характер обеспечения нетрудоспособных, объем бесплатной медицинской помощи и т. п. Рост общественных фондов потребления непосредственно ведет к коммунистическому распределению. Расширение его сферы означает сужение сферы ныне существующих имущественных отношений. Каждое мероприятие, устанавливающее прямую связь потребностей человека с общественными фондами потребления, в известной мере лишает ранее действовавшие здесь экономические отношения имущественного характера, ибо ограничивает материальным благом область обмена для потребления. Но в то же время установление этих новых связей может быть обеспечено только правовой регламентацией. Последующие этапы строительства коммунизма сделают общественные фонды потребления единственным источником удовлетворения всех потребностей членов коммунистического общества.

Это коренным образом должно изменить характер личной собственности граждан. Поскольку каждый член общества займет в отношении коммунистической формы собственности одинаковое положение с другими людьми и будет таким образом наряду с другими владеть, пользоваться и распоряжаться общей собственностью, постольку отношение ко всем предметам личного потребления прекратит свое «независимое», обособленное существование и, следовательно, потеряет характер юридического института личной собственности. Все те предметы общественной собственности, которые предназначаются для удовлетворения личных потребностей, станут предметами владения и распоряжения того члена общества, потребности которого они должны удовлетворить. Выражением того, что юридический институт личной собственности в этих условиях теряет свое современное содержание, является самоликвидация такого его элемента как правомочие пользования, возможность передачи которого собственником другому лицу в настоящее время является обязательным признаком права собственности. Другие правомочия — владения и распоряжения — утратят характер «отчуждаемых» прав и, таким образом, между распоряжением и использованием исчезнет различие. Поэтому «предметы личного

потребления будут находиться в полном владении и распоряжении каждого члена общества». ⁴²

Все эти преобразования должны будут внести в правовую регламентацию ряд новых моментов, изменяющих как внутреннюю структуру норм, так и их внешнее проявление. Во-первых, постепенно и последовательно нормы права потеряют свое регулирующее значение во взаимоотношениях граждан между собой по поводу вещей (имущественные отношения граждан друг с другом). Этот процесс будет сопутствовать постепенному «выпадению» из системы имущественных отношений тех взаимоотношений между людьми, которые выступают как отношения по поводу вещей; материальные блага, полученные из фонда общественного потребления и не выступающие в качестве объекта права, перестанут быть имуществом. (Разумеется, речь идет не о слове «имущество», а о сущности этого отношения). Во-вторых, во взаимоотношениях граждан по поводу вещей с обществом (государством) постепенно претерпит изменения сущность юридических лиц, выступающих в качестве субъекта такого правоотношения (имущественные отношения граждан с государственными, общественными и иными организациями). Ныне обособленные в экономической деятельности организации будут представлять собой единый объект морального отношения и, следовательно, осуществлением своих функций будут реализовать единство личного и общественного интересов. Поэтому связь каждого члена общества с таким органом будет выражать непосредственную связь человека с обществом. Удовлетворение своих потребностей через эти органы будет также означать устранение имущественных отношений между человеком и отдельными организациями или учреждениями.

Зародыши этих новых связей человека и общества в отношении материальных и духовных благ мы можем наблюдать уже сегодня. Таковы, например, нормы права, обеспечивающие бесплатное медицинское обслуживание граждан, бесплатное содержание детей в детских учреждениях и нек. др. Но нормы права, регулирующие эти отношения, сегодня учитывают (отражают) пока только количественные изменения в положении общественных фондов потребления. Очевидно, что только качественно новая роль этих источников удовлетворения потребностей в жизни всего общества приведет к качественным изменениям в самих нормах права. Это будет такое качественное изменение норм, при котором данное качественное состояние превращается в другое, перерастает в ходе завершения своего развития. В самом деле, процесс сужения сферы имущественных отношений — процесс постепенный. Одни нормы права будут продолжать регулировать пока сохраняющиеся имущественные

⁴² Программа КПСС, Материалы XXII съезда КПСС, стр. 367.

отношения, другие — будут гарантировать удовлетворение личных потребностей из общественного фонда. Взаимное влияние одних норм на другие безусловно, в свою очередь, наложит свой отпечаток на те и другие. Первые, регулирующие сохраняющиеся имущественные отношения, будут четче формулировать свои требования к каждому участнику правового отношения для согласования его деятельности с интересом всего общества и в сравнительно меньшей мере ставить поведение человека в зависимость от имущественных требований других граждан. Например, обеспечение исполнения обязательств между гражданами, очевидно, примет форму большей ответственности перед обществом (государством), а не только перед кредитором в виде возмещения убытков, пени и т. п. Вторые, обеспечивающие потребности из общественных фондов, первоначально всегда будут ограничивать удовлетворение потребностей разумными для общества размерами. Например, установление норм жилой площади, условий предоставления автотранспорта на прокатных пунктах и т. п.

Этот процесс внутреннего изменения норм права должен изменить и характер их регулирующего воздействия на общественные отношения по поводу вещей. Для выполнения новой роли нормами права важны такие обстоятельства, при которых осуществление своих прав и обязанностей субъектами правоотношения достигается не потому, что это разрешено или запрещено нормами права, а потому, что для каждого субъекта правоотношения такая форма связи людей стала олицетворять самое общественное отношение. Здесь норма права, выполнив свою функцию «формовщика» общественного отношения, может и должна сохранить себя только на случай таких нарушений ее предписаний, для борьбы с которыми других общественных средств недостаточно. Это определенный период «засыпания» норм права, период, в течение которого нормы права еще не отменены, так как возможны эксцессы, требующие их применения, и уже не действуют, так как почти все участники общественного отношения поддерживают установленную для него форму. Для правового регулирования экономических отношений это особенно важно при формировании связей отдельного человека с коммунистической формой собственности.

Но «засыпание» норм права требует полной передачи их регулирующей роли в руки норм морали. Решающим условием для приобретения нормами морали самостоятельной регулирующей силы в области экономических отношений служит лишение последних имущественно-стоимостного характера во взаимоотношениях людей. Только при этих условиях норма морали, возникнув на общественном отношении после формирования его нормой права, в состоянии поддерживать установившийся порядок как должный. Это обстоятельство создает для норм морали не-

обходимые внешние условия. Но не менее важны внутренние изменения норм. Они, по-видимому, связаны с выполнением роли ограничителя в стремлении людей к удовлетворению своих потребностей. Даже развитое коммунистическое общество не снимает противоречия между ростом производства и ростом потребностей людей. Поэтому разнообразные запросы людей должны «... выражать здоровые, разумные потребности всесторонне развитого человека».⁴³ Для норм морали это означает воздействие на внутренние элементы долга — интерес личности и осознание его. В определенный период в качестве масштаба для установления разумных границ потребления будут служить нормы права. В дальнейшем, по мере роста самосознания людей и производства, нормы морали смогут самостоятельно поддерживать эти отношения в объективно необходимом русле.

Другой относительно самостоятельной областью экономических отношений, где социальные нормы должны иметь свои специфические качества, является деятельность государственных и общественных организаций по управлению и руководству коммунистическим народным хозяйством. Стало общепризнанным положением, что эти функции постепенно будут переходить от органов государства к органам общественного и научно-экономического управления. В период перехода к полному коммунизму организационная структура и функциональные обязанности этих организаций устанавливаются нормами права. Правда, уже обращает на себя внимание изменение в порядке формирования таких норм. Наряду с правовой регламентацией создаваемых по инициативе государства общественных объединений (например, создание Союза добровольных спортивных обществ и организаций СССР), деятельность других, созданных по инициативе самих трудящихся, правом санкционируется (например, формирование добровольных народных дружин по охране общественного порядка). Очевидно, дальнейшее развитие общественного самоуправления приведет к увеличению удельного веса таких организаций, структура и задачи которых будут при помощи норм права не формироваться, а санкционироваться.

Однако уже в наши дни каждая общественная организация вырабатывает для достижения своих целей и задач специфические правила, получившие название социальных норм общественных организаций.⁴⁴ Не рассматривая эти нормы по существу, обратим только внимание на их органическую связь с нормами морали. Эта связь очевидна там, где правила устанавливают границы должного поведения каждого члена общественной организации. Но условия существования каждого объединения людей требуют четкого распределения функциональных обязан-

⁴³ Программа КПСС, Материалы XXII съезда КПСС, стр. 367.

⁴⁴ См. В. В. Кравченко, О характере норм, создаваемых добровольными обществами, «Советское государство и право», 1960, № 8.

ностей между его членами в зависимости от их места и роли в данном объединении. Этим определяется наличие в каждом объединении конкретного объема прав и обязанностей для каждого должностного лица.

В этих условиях нормы морали действуют в двух отношениях: как нормы, регулирующие взаимоотношения каждого члена общества с объединением в целом, и как нормы, регулирующие профессиональные отношения внутри объединения. Последнее — область профессиональной морали, имеющая свои специфические особенности регулирования. По-видимому, эти особенности и диктуют установление таких правил должного поведения, которые легче всего выразить в форме определения функциональных прав и обязанностей, хотя внутренняя сущность этих правил должна основываться на требованиях нравственного долга.

Нормы морали непосредственно не связаны с теми нормами права, которые устанавливают статус того или иного объединения. Очевидно, что при утрате правом этих функций по формированию общественных и научно-экономических объединений, его место займут особые нормы, вырабатываемые самоуправляющимися ассоциациями, гармонически объединенными в единое планомерно организованное хозяйство. Эти нормы можно назвать организационными. Их связь с нормами морали, очевидно, будет основываться на необходимости охраны организационных норм от нарушений.

Особое место в деятельности государственных и общественных организаций занимают нормы технического характера, возникающие в процессе планирования и выполнения народно-хозяйственных задач. Уже теперь они все больше принимают характер научно-технических нормативов. Если сегодня мы еще «ищем» место этим нормативам в системе социальных норм, можем находить в таких нормах, санкционированных правом, социальный характер и поэтому рассматривать их в качестве юридического объекта правоотношения, то завтра в обществе, в котором «на место управления лицами становится управление вещами и руководство производственными процессами»,⁴⁵ исключительно технический характер этих норм не будет вызывать сомнения. Общественные отношения, лишенные правовой формы, сделают связи людей с вещами непосредственным выражением производственных отношений, а технические нормы — принадлежностью лишь производственных процессов. Технические нормы коммунистического общества также будут выступать как результат обобщения практики, их выполнение будет влиять на общественные отношения, но они не будут сами находиться в системе социальных отношений. Следует отметить органическую связь тех-

⁴⁵ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 20, стр. 292.

нических норм с организационными. Введение новых организационных норм всегда будет связано с новыми техническими нормативами, а изменение последних будет вызывать новые организационные формы управления экономическими процессами. Поэтому, думается, можно говорить об организационно-технических нормах, регулирующих управление вещами и производственными процессами.

ТРУДОВЫЕ ОТНОШЕНИЯ. В качестве первого условия, которое объективно выражает процесс изменений в соотношении норм права и морали в области трудовых отношений, выступает характер стимулов к труду.

Правовая регламентация трудовых отношений в рабовладельческом обществе выражала исключительно внеэкономическое, внешнее принуждение к труду. Частичное изменение этой регламентации при феодализме подготовило юридическое закрепление отрицания порядков рабовладельческого общества и дало правовой режим экономического принуждения к труду при капитализме. Развитие коммунизма в период действия права, очевидно, должно было привести к своего рода отрицанию отрицания предыдущих форм привлечения к труду, сохранив элементы тех и других: внеэкономические и экономические стимулы, но, естественно, на совершенно новой основе. Так внеэкономическое воздействие на человека приобретает характер внутренних, идейных стимулов к труду, а экономическое — форму материальной заинтересованности.

Параллельно развивалось и развивается моральное отношение к труду. Показателем этого процесса служит изменение значения труда в качестве моральной ценности. В докоммунистических социально-экономических формациях стимулы к труду выступают как проявление внешне принуждающей необходимости, обусловленной потребностью в сохранении физического существования. (Хотя трудящимся было свойственно уважительное отношение к труду, в котором они видели проявление силы и разума человека.) Действительной моральной ценностью труд мог стать только превратившись в фокус человеческих отношений, возвращающих человеку его «человеческую сущность» (К. Маркс). Такие условия возникают только с устранением всех форм эксплуатации и старого общественного разделения труда. И если строительство социализма означало коренной сдвиг в создании объективных условий для этого и давало первые всходы развивающегося морального значения труда, то строительство коммунизма постепенно превращает моральные стимулы к труду в ведущий закон жизни общества, а их проявление — в главный критерий нравственной оценки поведения человека.

Переходный период от социализма к коммунизму должен дать все морально-правовые условия для формирования коммунистического отношения к труду. Одним из «прочных мостков»,

ведущих к коммунизму, назвал В. И. Ленин принцип материальной заинтересованности.⁴⁶

Но, являясь одной из переходящих сторон проявления материальных стимулов к труду, органически связанных с моральными стимулами, принцип материальной заинтересованности в ходе строительства коммунизма должен претерпеть изменения. Главные изменения должны выразиться в характере связи материальной заинтересованности с моральными стимулами к труду. Объективная роль этой связи лежит в основании норм права и морали, регулирующих трудовые отношения, их взаимодействия друг с другом.

Оплата по труду как форма реализации принципа материальной заинтересованности сохранится в течение всего периода строительства коммунизма и, следовательно, будет регулироваться нормами права. Сужение сферы применения оплаты по труду (но отнюдь не размера ее) будет происходить за счет перехода к удовлетворению потребностей из фондов общественного потребления. Это будет переход норм права с одного «уровня» связи материального интереса личности с материальным интересом общества (форма связи — материальная заинтересованность) на другой «уровень» — единства материальных личных и общественных интересов. Правовое регулирование принципа материальной заинтересованности имеет дело с объективно-необходимым объемом воздействия на материальные стимулы к труду. Формирование материальных стимулов к труду на основе устранения противоречия между объективным интересом личности и субъективным его проявлением в форме личного материального интереса установит такую связь между личным и общественным материальным интересом на основе их единства, при которой материальные стимулы к труду сольются с моральными. Развиваясь в этом направлении, нормы права должны будут в силу изменения самих общественных отношений преодолеть последние различия между правом и обязанностью (обязанность — максимальный трудовой вклад человека, право — получение вознаграждения по труду) и вплотную подойти к регулированию должного поведения каждого трудоспособного члена общества, поведения, определяемого долгом перед обществом (максимальный трудовой вклад человека) и долгом «перед собой» (удовлетворение своих потребностей в разумных размерах). Очевидно, что в течение определенного периода нормы права будут поддерживать контроль общества именно за выполнением долга «перед собой», ибо «...любое отношение, в котором человек находится к самому себе, реализуется, выявляется в отношениях человека к другим людям».⁴⁷ Стирание и этого

⁴⁶ См. В. И. Ленин, Соч., т. 33, стр. 36.

⁴⁷ К. Маркс и Ф. Энгельс, Из ранних произведений, стр. 567.

различия сделает ненужным сохранение норм права. Это будет констатация прекращения действия принципа материальной заинтересованности.

Параллельно с процессом развития норм права будет идти изменение роли норм морали. Непрерывный рост идейных стимулов в условиях, когда они будут представлять собой не только энтузиазм передовых людей, но и регуляторы постоянного поведения всех членов общества, должен превратить труд в такую же необходимость, как необходимость мыслить, дышать воздухом и т. п. Идейные стимулы должны превратить труд из объекта «внешней целесообразности» (К. Маркс) в объект внутренней потребности. «Трудовая деятельность перестанет быть только средством к жизни и превратится в подлинное творчество, источник радости».⁴⁸ Только социализм развивает новую, прежде не известную человеку, потребность к труду. Отличаясь от всех ранее известных потребностей материального и духовного порядка, потребность к труду как бы воплощает в себе те элементы исторически предшествовавших видов потребностей, которые несут человеку подлинное наслаждение. Она сочетает в себе и требование здорового организма (физиологическая потребность), и ощущения полноты и красоты жизни (духовная потребность). Она выступает как средство всестороннего развития личности. Потребность к труду приходит на смену принципу материальной заинтересованности.

Нормы морали, отражая этот процесс, будут занимать место правовых и станут глубже и, по-видимому, дифференцированнее воплощать в себе требования общества. Углубление требований будет обусловлено повышенной ролью совести человека как главного регулятора его поведения, а дифференциация, очевидно, будет результатом расширения связи непосредственных трудовых процессов со всеми другими областями человеческой жизни. (Например, требование знания всех научных достижений в данной области производства, требование соблюдения режима отдыха и т. п.)

Переход от правового регулирования трудовых отношений к моральному будет означать достижение двух взаимосвязанных результатов: упразднение трудовых отношений (в смысле обособленной сферы общественных отношений) на основе «растворения» их в общем и едином ритме общественного труда, и четкую регламентацию трудовой деятельности людей, исходя из их профессиональных различий. Последнее прямо связано с трудовой дисциплиной в процессе непосредственного производства.

Сама необходимость жесткой регламентации деятельности участников процесса производства не зависит от социально-экономической сущности организации общества. «... Известное под-

⁴⁸ Программа КПСС, Материалы XXII съезда КПСС, стр. 367.

чинение — независимо от какой бы то ни было общественной организации — обязательно для нас в силу материальных условий, при которых происходит производство и обращение продуктов». ⁴⁹ Разумеется, в этом отношении авторитет электричества больше авторитета пара, а авторитет кибернетических устройств будет еще выше. Но характер подчинения, выражающий связь между людьми в процессе производства, всегда социально обусловлен.

Социализм уже дал новый тип трудовой дисциплины. Правовое воздействие для ее поддержания прямо вытекает из того обстоятельства, что для некоторой части нашего общества труд еще не перестал быть только средством к жизни, а для сознательных и добросовестных тружеников не превратился полностью в первую жизненную потребность. Заметим, что здесь речь идет о такой потребности к труду, которая не связана с непосредственной материальной заинтересованностью. То, что подавляющая масса наших людей уже рассматривает свой труд в качестве творчества и источника радости, представляет только ступень в развитии нового отношения к труду. Но и этого еще недостаточно, чтобы заменить правовую регламентацию вовлечения всех трудоспособных граждан в процесс производства. Необходимо превращение потребности к труду в привычку. ⁵⁰ Привычка к труду — это более высокая ступень после осознания человеком нравственного смысла своего поведения, после осознания своей потребности. ⁵¹ Разумеется, процесс формирования потребности к труду и процесс превращения этой потребности в привычку происходит одновременно. Таким образом, воздействие норм права в направлении привлечения людей к труду будет сужаться и видоизменяться по мере формирования у всех людей привычки к труду.

Но в области дисциплины труда право выступает не только как социальный регулятор производства, но и как выразитель авторитета электричества, кибернетических устройств и т. п., то есть в качестве оформителя структуры производства и распределителя функций между людьми в процессе производства. Здесь на помощь и на смену правовым нормам, по-видимому, должны придти нормы профессиональной морали. По мысли К. Маркса при коммунизме «непосредственный труд как таковой

⁴⁹ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 18, стр. 304.

⁵⁰ Психолог А. Л. Шнирман различает привычки действия и привычки деятельности. Последние представляют собой сложную форму привычного поведения, возникающую на основе обобщения поступков в различных их связях с испытываемой потребностью. (См. О некоторых вопросах воспитания привычек, «Советская педагогика», 1941, № 6.) Привычка к труду носит именно такой «обобщенный» характер. См. Б. Г. Ананьев, Проблемы формирования характера, Л., 1949, стр. 48.

⁵¹ См. Г. Е. Глезерман, О превращении норм коммунистического поведения в привычку людей, изд. ВПШ и АОН, 1960.

перестанет быть основой производства, так как . . . он преобразуется в деятельность, главным образом направленную на надзор за производством и на регулирование его». ⁵² В этом процессе производства люди будут различаться («известное подчинение») по своему месту, по своей роли в воздействии на то или иное звено в общей связи трудовых усилий. Ясно, что каждая функция должна быть регламентирована. Поэтому здесь нормы морали, очевидно, должны будут фиксировать права и обязанности, связанные с профессиональными функциями людей.

Что же касается таких функций норм права, как установление организационной структуры различных производственных ассоциаций, закрепление порядка применения орудий труда и средств охраны труда, постепенности операций и т. п., то с этой задачей вполне будет справляться сама система производственно-экономических организаций путем выработки организационно-технических норм. Таким образом, нормы морали, которые в настоящее время в области трудовых отношений взаимодействуют с правовыми, имея между собой «внутреннюю» и «внешнюю» границы, будут постепенно отодвигать последнюю, и в конечном счете станут единственными социальными регуляторами отношений между людьми в процессе производства. Нормы права, отступая на «внутреннюю» границу, будут продолжать в течение определенного периода (очевидно, длительного) выполнять роль самого сильного средства охраны и поддержания производственного порядка, устанавливаемого ими вместе с нормами морали, и, исчерпав свои возможности, отомрут, «заснут».

СЕМЕЙНЫЕ ОТНОШЕНИЯ. Полное осуществление моногамии Ф. Энгельс связывал с таким социально-экономическим переустройством жизни, в результате которого «отдельная семья перестанет быть хозяйственной единицей общества» и «уход за детьми и их воспитанием станут общественным делом». ⁵³ Пока этот уровень развития семьи не достигнут, она сохраняется как специфическая социальная единица общества.

Лишение семьи ее хозяйственных функций — это конечный результат, обусловленный полным переходом к коммунистическому принципу распределения. Ему должны и будут предшествовать существенные изменения в объеме и роли этой функции. Можно усмотреть главное направление этих изменений: сужение сферы домашнего хозяйства и дальнейшее укрепление фактического равенства мужчины и женщины. Это может быть осуществлено путем превращения домашнего хозяйства в «общественную промышленность» (Ф. Энгельс). Предусмотренное Программой КПСС расширение, до полного удовлетворения потребностей населения, сети общественного питания с тем, чтобы

⁵² Из неопубликованных рукописей К. Маркса, «Большевик», № 11—12, 1939, стр. 64.

⁵³ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 21, стр. 78.

оно заняло преобладающее место по сравнению с питанием в домашних условиях, переход к бесплатному общественному питанию (обеда) на предприятиях, в учреждениях и хозяйствах колхозников — безусловно будут создавать необходимые предпосылки для полного освобождения семьи от домашнего хозяйства.

Решение этих задач будет иметь и другое значение — освобождение женщины от таких забот, которые представляют собой серьезную помеху для ее максимального участия в общественно-полезном труде. Только вовлечение всех трудоспособных женщин в общественное производство гарантирует полное фактическое равенство мужчины и женщины во всех областях жизни и в семейных отношениях в частности. Следует иметь в виду, что уменьшение роли домашнего хозяйства достигается всеми экономическими мероприятиями, проводимыми в ходе строительства коммунизма. Переход к бесплатному пользованию квартирами, коммунальным услугами, некоторыми видами бытового обслуживания прямо или косвенно влияет на изменение облика семьи.

Вторым важнейшим условием для утраты семьей своего социального значения является перенесение центра тяжести в заботах о воспитании детей с семьи на общество. Решению этой задачи служат намеченные Программой КПСС меры по дальнейшему развертыванию сети детских учреждений (для всех возрастов), введение горячих завтраков во всех школах, обедов в школах с продленным днем, наконец, бесплатное содержание детей в детских учреждениях и школах-интернатах (по желанию родителей).

Всем этим процессам будет сопутствовать изменение роли и объема влияния правовых норм на семейные отношения. Вмешательство норм права в имущественные дела семьи будет постепенно сводиться на нет. Очевидно, в переходный период отдельные нормы права сохраняют себя (например, определяющие порядок раздела имущества в случае прекращения брака), но большого практического значения иметь уже не будут. Уравнение личного материального положения супругов сделает их апелляцию к нормам права ненужной. Нормы права, определяющие обязанности родителей по воспитанию детей, также больше будут обращать внимание не на материальные вопросы, а на нахождение наилучших условий для жизни детей. Думается, что до перехода в зрелое коммунистическое общество этот важный вопрос будет решаться, всякий раз, когда он возникнет, органом государства. Безусловно, пока функционирует право, будут действовать нормы, ограждающие вступающих в брак от вредных последствий (брачный возраст, определенная степень родства и т. п.). Постепенно должна измениться роль права в расторжении браков. Очевидно, на известном уровне развития

общества будет разрешено прекращение браков при определенных условиях явочным порядком (например, между лицами, не имеющих детей). В последующем, по мере того, как каждый человек в своем поведении все больше будет служить выражением общественной жизни, правовой контроль за расторжением брака будет снят совсем.

Предполагаемая нами перспектива изменений влияния права на семейные отношения свидетельствует о необходимости такого развития норм морали, которое могло бы обеспечить нормальное функционирование семьи при коммунизме в качестве одного из звеньев всей совокупности коммунистических общественных отношений. Поскольку в отношениях мужчины к женщине «*проявляется в чувственном виде, в виде наглядного факта то, насколько стала для человека природой человеческая сущность*»,⁵⁴ постольку сущность норм морали, регулирующих это отношение, будет опираться на развитые качества такого человека, проявление которого в общественной жизни будет выражать гармоничное сочетание его взглядов, мыслей и чувств.

При этом чувства приобретут более глубокий и утонченный характер. Возросшее чувство самоуважения и, следовательно, чувство уважения к другой личности, теснейшая, органическая связь моральных и эстетических критериев, еще более высокая ступень в развитии чувства любви — таковы некоторые атрибуты человека коммунистического общества, определяющие его отношение к семье, делающие моногамию совершенной. Благодаря этому половое влечение будет полностью подчинено морально-эстетическому ощущению полноты жизни. Последнее будет устойчивой и глубокой сущностью человеческой личности. Ясно, что это должно будет сделать любовь к определенному человеку другого пола чувством постоянным и такой продолжительности, которая сделает любовь единственной на всю жизнь. Общество будет принимать решительные меры в отношении тех лиц, которые попытаются игнорировать эту новую сущность чувства любви.

Такая моногамная семья, избавившись от всех своих внутренних дополнений в виде хозяйства, особой заботы о воспитании детей, освободившись от ставшего ненужным правового регулирования, займет свое место в жизни коммунистического общества в качестве только объекта морального отношения.

ЛИКВИДАЦИЯ ПРЕСТУПНОСТИ. Борьба с преступлениями представляет собой одно из звеньев и один из этапов общей борьбы с правонарушениями. Но если полная ликвидация правонарушений будет возможна в условиях зрелого коммунистического общества, когда нормы морали займут место главных ре-

⁵⁴ К. Маркс и Ф. Энгельс, Из ранних произведений, стр. 587.

гуляторов коммунистического общежития, а нормы права сначала будут выполнять известную роль гаранта для норм морали, а затем отомрут совсем, то ликвидация преступности как правонарушений наибольшей общественной опасности возможна до построения полного коммунизма, еще при переходе к такой общественной организации, в которой коммунизм будет построен в основном.

Главным объективным условием для решения этой задачи выступает устранение из жизни нашего общества социальных корней для совершения преступлений. В. И. Ленин так определял главную социальную причину преступлений: «... Коренная социальная причина эксцессов, состоящих в нарушении правил общежития, есть эксплуатация масс, нужда и нищета их. С устранением этой главной причины эксцессы неизбежно начнут «отмирать»». ⁵⁵ Устранение этой главной социальной причины в ходе строительства социализма естественно переместило усилия общества на ликвидацию тех условий, которые еще способствуют социально не обусловленным преступлениям, и одновременно на предупреждение преступлений. Таким образом, теперь успех в борьбе с преступностью стал определяться ролью субъективного фактора, деятельность которого должна превратить в действительность объективную возможность недопущения совершения преступлений.

Только тесное взаимодействие мер уголовно-правового характера (норм права) с мерами общественного воздействия (норм морали) создает единый фронт борьбы с преступностью. Качественно новая связь этих норм в период перехода к коммунизму характеризуется прежде всего возрастанием роли предупреждения преступлений, то есть принятием таких мер, которые в буржуазном обществе могут быть только фикцией. Впервые вопрос о предупреждении преступлений становится на реальную почву только после победы социалистической революции. Но в ходе строительства социализма предупреждение преступлений было связано с борьбой за ликвидацию коренной социальной причины преступлений. Меры предупреждения имели тогда своей задачей свести к минимуму преступность, сопутствующую процессу устранения ее социальных корней. Победа социализма и переход к развернутому строительству коммунизма определили новую роль предупреждения преступлений. Теперь это вопрос, неразрывно связанный с задачей полного искоренения преступлений.

Предупреждение преступлений означает активное воздействие на все условия и причины, способствующие совершению преступлений, и принятие мер к ликвидации этих условий и

⁵⁵ В. И. Ленин, Соч., т. 25, стр. 436.

причин.⁵⁶ При этом предупреждение преступлений выступает как система мер, органически связанных с предупреждением всех правонарушений и аморальных поступков. Поэтому она немыслима без активного участия общественности, также как она невозможна и силами одной общественности. Исходя из этого, роль норм уголовного права весь период до полной ликвидации преступлений остается неизменной. Конечно, в процессе строительства коммунизма санкции этих норм будут претерпевать изменения (усиление против одних видов преступной деятельности и смягчение в борьбе с другими). Однако изменение размеров наказания представляет собой не изменение роли норм права, а только перемещение отдельных видов преступлений с одного места на другое в той системе, которая определяет степень общественной опасности того или иного вида преступлений в определенное время. Не изменяет роли норм уголовного права уменьшение преступлений. В связи с этим может создаться видимость «ослабления» действий той или иной нормы права, тогда как по существу возможность ее применения сохраняется в неизменном виде.

Все эти обстоятельства служат определенным источником ошибок субъективного характера в использовании норм права для борьбы с преступностью. А субъективный фактор и определяет действительную роль норм права в действительной жизни общества, ибо нормы уголовного права без реализации их в практической жизни превращаются в пустую проповедь. Практика показывает, что в ряде случаев некоторые органы суда и прокуратуры в определенный период «концентрируют» свое внимание на борьбе с «модными» видами преступлений (в связи с усилением санкции за то или иное преступное деяние или в связи с требованиями руководящих органов юстиции), в определенной мере ослабляя борьбу с другими видами преступлений.⁵⁷ Некоторые нормы уголовного права почти совсем не применяются, так как органы прокуратуры и суда не проявляют должной настойчивости в борьбе с такими видами преступлений, которые кажутся «необычными» из-за отсутствия практики борьбы с ними.⁵⁸ Поэтому действенность норм права, предназ-

⁵⁶ Под условиями, способствующими совершению преступления, мы понимаем обстоятельства, специфические свойства которых могут вызвать преступление. Причина преступления — достаточное условие, которое непосредственно может вызвать совершение преступления.

⁵⁷ О крайностях в деятельности некоторых судебно-прокурорских органов говорил Н. Р. Миронов на Всесоюзном совещании по идеологическим вопросам. См. XXII съезд КПСС и вопросы идеологической работы, Госполитиздат, 1962, стр. 231.

⁵⁸ Показателен случай, описанный Ю. Феофановым (см. «Укрощение укротителя», «Известия», 1962, 13 мая), о применении ст. 138 УК РСФСР для наказания за увольнение с работы из личных побуждений.

То же самое можно сказать, например, о применении наказания за угро-

наченных для борьбы с преступлениями, в ряде случаев ограничивается. Ясно, что наше время, как никогда раньше, требует исключительной четкости и оперативности мер в отношении каждого преступного деяния, независимо от сравнительной степени его общественной опасности, создания таких условий, при которых наказание для преступника было бы неотвратимо.

В осуществлении предупреждения преступлений все большую и большую роль приобретают нормы морали. Но и здесь действенность норм морали не может ограничиваться простым осуждением преступника и одобрением мер, принятых в отношении его государством. Необходимость воздействовать на все условия и причины, могущие вызвать преступление, требует расширения сферы норм морали, способствующих борьбе с преступлениями. Участие норм морали в борьбе с преступлениями сливается с их ролью в недопущении любых нарушений правил социалистического общежития. Жизнь показывает объективную необходимость соблюдения по крайней мере таких требований морали:

— нетерпимость ко всякому аморальному поведению, особенно пьянству. Из практики известно, что в ряде случаев безнаказанность за совершение незначительных проступков может привести к тяжелому преступлению. Особенно большие возможности для выражения общественного мнения в отношении аморального поведения создаются деятельностью коллективов трудящихся и их общественных органов. Товарищеские суды, прямая товарищеская критика провинившегося, общественный контроль за исполнением правил, ограничивающих продажу спиртных напитков торговыми организациями, патрульная служба членов народных дружин и многие другие формы предупреждения нарушений правил социалистического общежития являются важным условием для недопущения преступлений;

— контроль за поведением молодежи в общественных местах. Непримируемость даже к незначительным нарушениям общественного порядка (грубость, сквернословие, неуважение к старшим и т. п.) создает обстановку, в которой несовершеннолетний постоянно чувствует контроль взрослых, удерживающий от более серьезного антиобщественного поведения. Активное участие общественности в работе комиссий по делам несовершеннолетних, советов детских комнат милиции и т. п. делает возможным усилить деятельность органов государства по предупреждению преступлений несовершеннолетних;

— выявление условий и причин, непосредственно способствующих совершению преступлений или проступков, и принятие всех мер к устранению их. Нормы морали должны требо-

зу убийством, предусмотренное ст. 128 УК ЭССР (ст. 207 УК РСФСР), хотя неиспользование ее очень часто ведет к исполнению угрозы.

вать от каждого человека активного вмешательства в условиях жизни и деятельности своего предприятия, учреждения и т. п. с тем, чтобы своевременно обнаружить и устранить все те обстоятельства, которые создают почву для преступной деятельности. Например, жесткий контроль за использованием материальных ценностей на предприятии предупреждает хищения, спекуляцию, взяточничество и т. п. Постоянно видеть связь отдельных коллективов с общим укладом жизни и пресекать все возможности аморального и преступного поведения — насущное требование морали;

— активная помощь органам дознания, милиции, народным дружинам для принятия своевременных мер по пресечению преступлений или недопущению их. Требование морали — рассматривать себя прямым и непосредственным помощником общественных и государственных организаций, специально решающих задачи по предупреждению преступлений — объективно необходимо. Очень хорошо это требование было выражено в письме в редакцию газеты «Известия» работниками инструментального цеха Коломенского тепловозостроительного завода им. Куйбышева: «Милиция, народные дружины, все население должны действовать в едином строю против тех немногочисленных, но зловредных и опасных элементов, которые еще нет-нет да и омрачают нашу жизнь. Мы должны навалиться всем скопом, всем миром, чтобы навсегда покончить с позорным явлением — преступностью всех видов, с ворами, туеядцами, хулиганами».⁵⁹

Однако превращение всех этих требований в общеобязательные правила для каждого члена нашего общества еще не достигнуто. Поведение известной части людей, руководствующихся правилом «моя хата с краю, я ничего не знаю», пассивно относящихся к соблюдению требований права и морали другими и ошибочно считающих, что раз они сами соблюдают все правила общечеловеческой морали, то этого вполне достаточно, значительно снижает эффективность морали в борьбе с преступностью. Очевидно, сейчас мы переживаем время, когда происходит процесс привлечения всех к активному участию в общественном деле — предупреждению преступлений. Думается, что в ближайшем будущем нормы морали, осуждающие пассивность и инертность людей в борьбе с антиобщественными явлениями, станут общепризнанными, так как развитие коммунистической морали требует борьбы со всеми элементами старого, отживающего, консервативного.

Устранение всех отмеченных нами недостатков сможет поднять взаимодействующие нормы права и морали на более высокую ступень их развития и обеспечит последовательную ликви-

⁵⁹ «Известия», 1962, 10 июня.

дацию преступлений. Очевидно, первыми не выдержат напора государственного и общественного воздействия тяжкие преступления против личности и общественного порядка, против социалистической собственности. Устранение этих видов преступлений изменит общественную и государственную оценку других видов правонарушений, так как требовательность к членам общества будет непрерывно возрастать. Одновременно с этим усиление моральных санкций, очевидно, повлияет на санкции правовые. Последние, уменьшая свои абсолютные размеры (отмена смертной казни, длительного тюремного заключения) и сохраняя относительную силу в сравнении с нормами морали, будут все больше сближаться с моральными. По-видимому, «равновесие» правовых и моральных санкций будет выражением того факта, что преступность в нашей стране ликвидирована.

2. Формирование социальных норм коммунистического общества.

Обобщая рассмотренные нами перспективы развития норм права и морали в различных сферах общественных отношений, мы можем усмотреть как «хронологическую» последовательность, так и характер внутренних изменений норм права и морали.

В период развернутого строительства коммунизма до построения основ коммунистического общества нормы права будут выполнять свою роль в тех же областях общественных отношений, в которых это они делают сегодня. Однако объем регулирования будет постепенно изменяться. Предпосылкой для этого явится сужение роли имущественных отношений (в сфере распределения, обмена и семейных отношений) и одновременное возрастание удовлетворения потребностей людей за счет общественных фондов. Известным образом должен будет измениться характер правового регулирования в сфере непосредственного производства (трудовая дисциплина) в соответствии с изменением отношения людей к труду и усилением роли норм профессиональной морали. К концу периода должна резко сократиться сфера уголовного права, так как наиболее опасные преступления должны быть ликвидированы, а возможность всех других настолько ограничена, что скорее всего они будут рассматриваться в качестве правонарушений вообще, а не преступлений. В связи с этим возможен известный переход от норм уголовного к нормам административного права.

Нормы морали в этот период будут брать под свой контроль новые общественные связи между человеком и общественными фондами потребления; приобретая большую действенность, регулировать отношения между людьми в тех областях, где еще сохраняется необходимость в нормах права. Однако возраста-

ние эффективности норм морали делает их к концу периода силой, способной самостоятельно поддерживать необходимые формы общественных отношений, установленные нормами права, хотя по своим принудительным возможностям они еще не достигнут правового уровня. В области экономических отношений (планирование, руководство выполнением плановых заданий) на базе норм административного права и норм, вырабатываемых общественными организациями, очевидно, будет идти дальнейший процесс формирования норм профессиональной морали.

В период завершения строительства коммунизма и построения развитого коммунистического общества (в условиях победы и упрочения социализма на международной арене) процессу совершенствования коммунистических общественных отношений и завершения перерастания социалистических отношений в коммунистические будет соответствовать процесс отмирания, засыпания норм всех отраслей права и сохранения в качестве единственного регулятора взаимоотношений между людьми норм коммунистической морали. «Вмешательство государственной власти в общественные отношения становится тогда в одной области за другой излишним и само собою засыпает».⁶⁰ Однако в каждой области этому отмиранию очевидно будет предшествовать определенный период, в течение которого нормы права, практически не применяемые, но и не отмененные, будут выполнять роль «страховки» для тех норм морали, которые замещают правовые.

Отмирание права будет выражением того факта, что в обществе, в котором утвердилось единство личных и общественных интересов, в котором интерес общества точно и всегда проявляется через интересы каждого отдельного его члена, больше нет необходимости прибегать к особому способу выражения его интересов при помощи специального регулятора — права.

Этот объективно необходимый процесс развития и отмирания права сегодня вызывает вопрос о роли права в период коммунистического строительства. Требование дальнейшего укрепления социалистической законности и перспектива дальнейшего расширения сферы действия морального фактора и соответственного уменьшения значения административного (правового) регулирования взаимоотношений между людьми безусловно находятся в диалектической связи между собой. Ограничить характеристику этой связи утверждением об усилении права перед его отмиранием, думается, банально, хотя в самом общем виде оно и содержит в себе элементы истины.

Нам кажется, что для раскрытия диалектических процессов отмирания права необходимо рассматривать его с тех сторон,

⁶⁰ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 20, стр. 292.

которые дают праву возможность сочетать в себе эти противоречивые тенденции. Прежде всего право выступает как объективно необходимый, опирающийся на государственное принуждение, регулятор общественных отношений. Объективная роль права может быть понята только в его сопоставлении с другими способами принуждения. В этом сопоставлении уместно говорить о роли права как о его значении, о его удельном весе в общей системе регулирования общественных отношений, системе социальных норм. Ясно, что не только строительство коммунизма уменьшает значение правового регулирования, но оно уже изменилось в том же направлении еще при строительстве социализма в сравнении со значением права в эксплуататорском обществе. И эта тенденция развития права в нашем обществе не должна, не может связываться с усилением санкций отдельных норм, распространением правового регулирования на некоторые, ранее правом не контролируемые, отношения. Наоборот, социалистическое право всегда ограничивает себя объективно необходимым минимумом регулирования, объем которого определяется конкретно складывающимися социально-экономическими условиями. Думать же, что уменьшение значения права обязательно должно иметь следствием ослабление санкций, так же ошибочно. Размер санкции — это показатель уровня требовательности данной нормы права, отнюдь не умаляющий значения всех иных форм регулирования данного общественного отношения. Таким образом, расширение сферы действия морального фактора, непрерывное повышение значения норм общественных организаций — вот показатели уменьшения значения права. Полное развитие этих факторов сведет значение права к нулю.

Но с другой стороны, право выступает как инструмент воздействия на определенные общественные отношения в руках субъективного фактора. Здесь речь идет о роли права безотносительно к другим формам регулирования. Роль права как эффективного средства регулирования зависит от деятельности людей. Строгое соблюдение законности, независимое от изменения значения права на том или ином этапе коммунистического строительства, научно обоснованное и оперативное нормотворчество как сознательное выражение необходимости придать тому или иному общественному отношению определенную форму, эффективнее воздвигать на него — вот те критерии, которые определяют силу регулирующей роли права. Ясно, что требования Программы КПСС — совершенствовать нормы права и непрерывно укреплять социалистическую законность — есть требования усиления роли права не в качестве задачи определенного, короткого по времени периода, а как объективно необходимой тенденции в развитии социалистического права с момента его возникновения и до полного отмирания. Так воз-

растающая сила воздействия права сольется с возросшей ролью морали и самостоятельности общественных организаций; значение (удельный вес), утрачиваемое правом, будет замещаться непрерывно растущим значением морали, пока последняя не сделается единственным регулирующим фактором.

Рассмотренная нами последовательность изменений в соотношении права и морали должна трансформировать характер их норм. Всякая норма права исходит из того, что все участники установленного ею правила поведения (субъекты) связаны между собой необходимостью совершить определенные действия или воздержаться от определенных действий в пределах, ограниченных их правами и обязанностями. Здесь связь субъектов с обществом в лице его государственных органов опосредована. Она проявляется через действия одного субъекта по отношению к другому. Такое положение участников отношения обусловлено необходимостью подчинить интересы отдельных лиц интересам всего общества, на страже которых стоит определенный государственный орган. Но уже сегодня подавляющая масса людей, добровольно выполняющих предписания норм права, поступает так потому, что осознает единство своих интересов с общественными и видит в своих действиях один из способов реализации интересов общества. Постепенное возведение единства личных и общественных интересов в принцип, закрепление которого все менее и менее будет нуждаться в государственном принуждении (но все же будет нуждаться), будет делать связь каждого субъекта с обществом более непосредственной. Это создаст такое положение, при котором действия одного субъекта по отношению к другому все сильнее будут обуславливаться отношением каждого из них к обществу. В этих условиях связь субъектов между собой будет все более опосредствоваться прямой связью интереса каждого с интересом общества.

Такое изменение не может не повлиять на характер связи прав с обязанностями, предписываемыми нормами права. Обязанность участника отношения, регулируемого нормой права, все более будет принимать характер обязанности перед обществом (образно назовем ее «юридическим долгом»). Только в связи с ее выполнением и для обеспечения ее выполнения государство предоставит участнику отношения определенные права. Поскольку каждый из участников отношения непосредственно связывается через свою обязанность с интересом общества, права каждого из них все более будут принимать характер производных от своих же обязанностей, а не обязанностей другого. Этим делается последний и решающий шаг к устранению противоположности между правами и обязанностями, обусловленной распределением их между различными субъектами. Диалектика связи права и обязанности такова, что совсем недостаточно направить поведение, основанное на выполнении

только юридической обязанности, в русло должного. Необходимо, чтобы право, установленное нормой, было в органическом единстве с обязанностями этого же субъекта. Но полностью ликвидировать этот барьер между правом и обязанностью норма права не может, ибо полное слияние их лишает норму юридического характера, превращает ее в норму морали. Конечно, было бы наивно думать, что сам термин «право» в связи с этим прекратит свое существование. Безусловно, он сохранится. Но право в моральном смысле будет выражать возможность выбора своего поступка, необходимость которого предписывается «обязанностью». Это и будет выполнение долга. Таким образом, изменение характера связи субъектов, постепенное устранение противоречия между правами и обязанностями обеспечивают такое изменение элементов содержания норм права, которое преобразует их в моральные. (Прямая связь интересов каждого субъекта с интересом общества, переход прав-обязанностей в требования долга).

Но не остаются без изменений в процессе слияния с правовыми и сами нормы морали. Прежде всего должен измениться характер проявления объекта морального отношения. В наше время объективная связь интереса личности и интереса общества, лежащая в основании морального отношения, обуславливает своеобразное «прикладывание определенной мерки» к деятельности того или иного государственного или общественного органа, выступающего носителем, выразителем интереса общества. Такая оценка связана как с известным различием между интересом личности и интересом общества (ведь пока необходимо сознательно подчинять личный интерес общественному), так и с тем, что не каждый орган формируется прямым участием данного субъекта морального отношения (демократия продолжает разворачиваться и совершенствоваться). Только последующее соединение личной деятельности с деятельностью общественных организаций, образование единой системы самодействующих общественных организаций сделают каждый орган общества объектом морального отношения, равнозначным обществу в целом. Поэтому требования каждого органа, каждой организации, каждого коллектива, единые между собой, будут едины и по отношению к каждому члену общества.

Значительно должна измениться связь субъективной и объективной сторон внутри нравственного долга. В характере долга, этого специфического элемента норм морали, произойдет перемещение центра тяжести с внешнего требования (общественное воздействие) на внутреннюю сторону, определяемую стремлениями личности. Этот процесс должен привести к такому равновесию внешнего и внутреннего, которое, во-первых, отражает единство личных и общественных интересов и, во-вторых, делает должное поведение человека само собой разумеющимся, не

нуждающимся в постоянном контроле. Конечно, общество всегда будет готово придти на помощь человеку заблуждающемуся, ошибающемуся в оценке возникающих моральных ситуаций, всегда будет иметь возможность направить поведение человека в общественно-необходимое русло, но делаться это будет сравнительно легко, так как каждый человек будет воспринимать требования коллектива или общества в целом без внутреннего сопротивления.

Очевидно, произойдет полное уравнение возможностей правовых и моральных санкций. Органическое единство убеждения и принуждения будет характеризоваться усилением убеждающего момента в принудительной силе норм права и принуждающего — в убеждающей силе норм морали. Однако принудительная власть, которая необходима «во всяком человеческом общезжитии» (В. И. Ленин), сохранится, но будет лишена основания специальная форма принуждения — государственная.

Таков, как нам думается, путь слияния норм права и морали в единые нормы коммунистического общезжития. Но правила коммунистического общезжития не исчерпывают собой всех социальных норм, функционирующих в коммунистическом обществе. Очевидно, их сфера — все стороны жизни, где взаимоотношения людей строятся на принципе совместного выполнения ими, без субординации между собой, одних и тех же требований общепризнанных норм. Но производственные процессы, выполнения профессиональных функций требуют известной субординации деятельности людей. И эта деятельность должна регулироваться специфическими нормами, которые мы называем нормами профессиональной морали. Они, по-видимому, будут нормами морали, так как в их основании будет лежать моральное требование выполнения своего долга; они будут нормами профессиональными, так как с их помощью будет поддерживаться необходимая субординация между людьми только при осуществлении своих профессиональных функций.

Последнее обстоятельство должно вызвать специфическую форму выражения требования долга. В общем своем выражении долг обязывает человека подчиниться требованию общества в лице его органа, коллектива и т. п. Связь же людей между собой, обусловленная известным подчинением друг другу при выполнении общественных профессиональных обязанностей, требует такой координации их действий, при которой одно лицо, с большими профессиональными полномочиями, имело бы возможность влиять на выполнение профессиональных обязанностей другим лицом, с меньшими профессиональными полномочиями. По-видимому, наиболее четко это можно сделать путем расшифровки общего требования долга как определенных профессиональных обязанностей и прав. Четкая фиксация тех или иных прав даст возможность всем другим лицам руководствоваться

в своем поведении требованиями субординации и координации в едином трудовом ритме.

Эти права и обязанности не будут иметь ничего общего, кроме формы выражения, с юридическими правами и обязанностями. Во-первых, праву одного лица не будет противостоять обязанность другого. Эта обязанность будет обязанностью-долгом перед обществом, а не перед лицом, обладающими правомочием, так как право лица прямо вытекает из его же профессиональной обязанности. Поэтому профессиональное право какого-либо лица будет выражать необходимость определенного поведения как самого этого лица, так и других при их совместных субординированных действиях. Во-вторых, права и обязанности выступают в качестве атрибутов поведения только при выполнении профессиональных функций. Это значит, что каждый человек может использовать их постольку, поскольку он занял определенное место в процессе производства. Периодический обмен местами в этом процессе будет обычным явлением, так как для человека коммунистического общества «... различные общественные функции представляют сменяющие друг друга способы жизнедеятельности».⁶¹

Как видно, процесс формирования социальных норм коммунистического общества происходит путем взаимного влияния друг на друга и дальнейшего развития социальных норм нашего времени. Каждая из последних сохранит в будущих нормах свои наилучшие черты, свойства. Значительная часть правовых норм сольется с моральными правилами социалистического общежития в единые нормы коммунистического общежития. Нормы административного права, общественных организаций и моральные сформируют профессиональные правила поведения.

Можно предположить, что обычаи будут широко применяться в общественной жизни, оформляя порядок проведения собраний, конгрессом, конкурсов и т. п.

Отдельную группу будут составлять организационно-технические нормы. Потеряв социальный характер, они найдут свое место в сфере «управления вещами».

Таковы, на наш взгляд, некоторые характерные черты норм коммунистического общества. Но их формирование в процессе взаимодействия норм права и морали прямо связано с изменениями в субъекте общественных отношений — человеке. Изменение человека — это сложный процесс развития его общественной сущности. Поэтому, если рассмотрение объективно-исторического развития норм права и морали раскрывает возможный характер изменения их соотношения, то субъективно-психологический анализ этих изменений должен привести к некоторым выводам о наиболее целесообразных формах и методах работы

⁶¹ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 23, стр. 499.

государственных и общественных организаций, чтобы обеспечить нормальное течение этого процесса.

3. Роль взаимодействия права и морали в нравственном воспитании личности.

В этом разделе мы не будем рассматривать проблем нравственного воспитания в целом.⁶² Наша задача уже — попытаться определить роль взаимодействующих между собой права и морали, то есть мер государственного и общественного влияния в воспитании человека как субъекта морального отношения.

Однако предварительно необходимо обратить внимание на моменты, определяющие сущность и структуру того поведения человека, которое делает его субъектом морального отношения.

Во-первых. Переплетение свойств человека в каждом конкретном моральном отношении приводит к такому положению, при котором «никакое *реально существующее* нравственное отношение не соответствует или, по крайней мере, не *должно с необходимостью* соответствовать своей *сущности*».⁶³ Человек «воплощает в своей личной индивидуальности одновременно индивидуально-единичное (неповторимое), особенное классовое и совокупность всеобщего общественного».⁶⁴ Каждое реальное моральное отношение, сущностью которого является объективная связь интереса личности и общества, несет в себе такие элементы индивидуального характера, которые позволяют личности в определенных границах сохранить свои специфические, неповторимые черты; такие элементы социального характера, которые делают данное моральное отношение типичным, то есть делают поведение наиболее соответствующим своей сущности; такие элементы общественного характера, которые делают человека выразителем определенных интересов всего общества. Взаимодействие всех этих элементов способно внести такие коррективы в социальный смысл морального поведения, которые могут привести к более или менее точному проявлению сущности морального отношения. Отсюда цель нравственного воспитания — устранить из сознательной жизни общества видимость как форму морального отношения, в которой несоответствие сущности достигает высшей степени, и возвести типичное во всеобщее.

⁶² Вопросам нравственного воспитания в плане этики посвящены соответствующие разделы следующих исследований: А. Ф. Шишкин, Основы марксистской этики, изд. ИМО, 1961; Г. Бёк, О марксистской этике и социалистической морали, ИЛ, 1962. См. также С. М. Косолапов, О. Н. Крутова, Вопросы воспитания трудящихся в духе коммунистической нравственности, изд. «Высшая школа», 1961; Нравственность и нравственное воспитание (материалы научной конференции), Новосибирск, вып. V, 1962.

⁶³ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 1, стр. 163.

⁶⁴ R. Miller, Persönlichkeit und Gemeinschaft, Dietz Verlag, Berlin, 1961, S. 137.

Во-вторых. Проявление человека в моральном отношении содержит в себе определенные элементы, составляющие то, что мы называем поведением. Будучи формой проявления общественной жизни, моральное поведение обязательно базируется на сознательном отношении человека к своим поступкам, выражает его определенные внутренние стремления и предполагает активную деятельность для осуществления определенных нравственных целей и задач. Очевидно, что воспитательное воздействие на эти звенья в общей цепи поведения человека может и должно дать желаемый результат в формировании человека как нравственной личности.

Учет этих обстоятельств должен помочь нам определить «места приложения» права в нравственном воспитании.

Первое условие нравственного воспитания — утверждение коммунистической сознательности. Человек только тогда выступает в качестве субъекта морального поведения, когда он отдает себе отчет в своих действиях и может руководить ими. Это «минимум» сознания, то есть проявление свойств разумного существа. Ясно, что нарушение психической деятельности (душевная болезнь, слабоумие и т. п.) лишает человека качеств субъекта морального отношения. Это условие моральной ответственности вытекает из характера морального отношения как волевого.

Но какова же граница предвидения результатов определенного поведения? Эта граница определяется объективной логикой общественного поведения. Человек, действия которого подконтрольны обществу, всегда обязан понимать элементарную, непосредственную причинно-следственную связь своего поведения с наступлением возможных результатов. Только признание невозможности предвидеть последствия своего поступка освобождает человека от моральной ответственности. В то же время сам факт, свидетельствующий о том, что субъект морального отношения не предвидел результатов своего поступка, не решает вопроса о его ответственности. Лишь установление таких обстоятельств, при которых человек не мог и не должен был знать последствия своего поведения, освобождает его от моральной ответственности.

Правовая оценка поведения субъектов правоотношений в основном совпадает с моральной. Правда, она четче разграничивает степени вины правонарушителя (формы умысла, неосторожности), исходя из характера связи сознания и наступивших результатов, но также исключает из правовой ответственности те последствия, которые не должны и не могли быть заранее предвидены.

Но связь поведения человека с его разумением непосредственных результатов поступка не выходит за рамки простого усвоения, осознания действующих норм морали. Для коммунистического воспитания этого слишком мало. Поэтому строитель-

ство коммунизма, требующее, чтобы люди «сознательно строили жизнь по-коммунистически»,⁶⁵ апеллирует к сознанию как пониманию человеком сущности общественных отношений, в которых он живет и действует. Только такая коммунистическая сознательность позволяет человеку увидеть свою роль в общественной жизни, понять необходимость объективной связи своих интересов с интересами общества, разобраться в своих желаниях, стремлениях и направить их в русло общественно необходимых поступков.

Повышение коммунистической сознательности на основе идейной зрелости достигается в процессе деятельности каждого коллектива и каждой организации трудящихся. Велика роль в решении этой задачи у государственного правотворчества. Принятие аргументированных законов и подзаконных актов превращает их из актов управления людьми в акты творчества и инициативы самих исполнителей. Правильно выражая нравственные потребности развивающегося общества, правовые акты помогают выявлять и преодолевать препятствия и трудности, мешающие успешному строительству коммунизма. По существу своему они фиксируют новые моральные нормы.

Огромное значение для формирования коммунистической сознательности имеет прямое участие каждого человека в выработке законов по важнейшим вопросам коммунистического строительства. Обсуждение проектов законов, внесение дополнений и изменений в них по инициативе самих трудящихся внедряет в законодательство элемент прямого народного правотворчества, делает принимаемые законодательные акты не только по своей сущности, но по каждой своей составной части результатом воздействия со стороны тех, кто должен эти законы выполнять. Так, например, только при обсуждении проекта закона «О дальнейшем совершенствовании организации управления промышленностью и строительством» (1957 г.) было проведено 514 тыс. собраний трудящихся, на которых выступило с предложениями свыше 2300 тыс. человек. Ясно, что такая система, предшествующая принятию законов, обеспечивает наилучшие условия для глубокого понимания каждым человеком общегосударственных задач и интересов, делает последние задачами и интересами каждого члена общества.

Не меньшее значение для широкого сознательного отношения к потребностям общественного развития имеет усвоение основ общей теории социалистического права и коммунистической морали. Без знания этих теоретических положений представления, формируемые эмпирически, обуславливают элементарность, отрывочность и бессистемность морально-правовых понятий. А это как правило ведет к неспособности увидеть и понять связь

⁶⁵ Программа КПСС, Материалы XXII съезда КПСС, стр. 409.

между отдельными требованиями права и морали с объективно необходимым развитием общественных отношений, связь тех же требований со своими повседневными поступками. Пропаганда юридических и этических знаний должна раскрыть и обосновать принципы права и морали как выражение закономерностей общественного развития. Для этого очень важно проникновение в сущность явлений нашей жизни, чтобы человек научился самостоятельно видеть за тем, что находится «на поверхности», действительное значение дел и поступков. Успех пропаганды во многом зависит от ее методики. Основные правила последней сводятся к тому, чтобы разъяснение принципиальных положений опиралось на факты жизни, чтобы научные положения становились как бы собственным завоеванием человека и, убеждая, вели к практическим делам.⁶⁶

Таким образом, рассмотренные нами моменты нравственного воспитания, ведущие к сознательному отношению человека к требованиям коммунистической морали, позволяют прочно соединить (пока только в сознании человека, так как речь идет лишь о нем) интерес общества с осознанным своим личным интересом, понять различие между тем, что «мне хочется» (личный интерес) и «что для меня необходимо» (интерес личности).

Но воспитание сознания — только первый элемент воздействия на субъекта морального отношения. (Мы называем его первым не по времени формирования, а по роли в едином процессе формирования нравственной личности.) Для нравственного поведения необходимо, чтобы оно было результатом внутреннего решения личности, чтобы человек умел правильно определять свои стремления. Очевидно, что эта необходимость требует рассматривать связь интереса личности с интересом общества как такую связь, которая не только понята личностью, но и стала основой ее поведения. С этой точки зрения моральные формирования личности основываются не только на понимании требований, но и на знании образцов, на процессе сопоставления своих действий и поступков с этими образцами. Человек должен стать способным правильно оценивать свое поведение.

В этом смысле социалистическое право имеет особое воспитательное значение. Выступая в качестве самого эффективного средства воздействия на общественные отношения, оно может и должно быть тем образцом справедливости, с которого развивающаяся коммунистическая мораль должна брать пример. Уже первый акт введения в действие закона — опубликование его — кладет известную границу между тем, как можно поступать и как нельзя, показывает человеку линию должного поведения. Правильное применение правовых норм должно закрепить должное поведение как необходимое. Поэтому воспитательный эффект

⁶⁶ Подробно о методике пропаганды см. В. А. Карпинский, По-ленински вести пропаганду, «Правда», 1962, 15 июня.

права обеспечивается не только применением мер государственного принуждения к правонарушителю, но и предметным уроком для норм морали. Последнее особенно важно в борьбе не с очевидными для всех формами правонарушений (убийство, хищение социалистической собственности и т. п.), а с такими, которые способны маскироваться, приносить вред обществу исподволь (бюрократизм, использование власти для осуществления личных низменных побуждений и т. п.). Оставление морали «один на один» с такими явлениями без правовой поддержки создает видимость невозможности устранения их из жизни. Поэтому понятно требование В. И. Ленина — научиться пользоваться советскими законами для борьбы с волокитой, бюрократизмом, взяточничеством при помощи народных масс.⁶⁷

Применение социалистического права создает определенные предпосылки для моральных критериев оценки внутренних побуждений личности. Учет правом умысла правонарушителя (формы вины, корыстные или иные низменные побуждения, правонарушение под влиянием сильного душевного волнения и т. п.), внутреннего отношения виновного к уже совершенному нарушению (явка с повинной, чистосердечное раскаяние и т. п.) — значительно сближают правовой подход к человеку с моральным подходом, хотя и не лишают поведение правового значения. Эта же правовая оценка сохраняется при передаче дела правонарушителя на суд общественности. Возможность участия в судебном разбирательстве общественного обвинителя и защитника также перекидывает мост, связывающий оценки права и морали.

Но все моменты, характеризующие отношения норм права к поведению человека, являющемуся результатом принятого им внутреннего решения, могут достичь своей цели только через нравственное воспитание в коллективе. Лишь в коллективе формируется взаимосвязь внутреннего решения человека с морально-правовыми требованиями и воспитываются мотивы поведения в соответствии с этими требованиями. Не ставя перед собой задачи обобщить все стороны многогранной деятельности коллективов трудящихся, мы кратко рассмотрим эту деятельность только под углом зрения формирования «умысла» человека, превращения его внутренних побуждений в основу положительно-нравственного поведения.

Влияние коллектива на отдельную личность зависит не только от черт самого коллектива. Оно зависит также и от самой личности, ибо процесс нравственного воспитания, как и воспитания вообще, двухсторонен. Поэтому отношение личности к коллективу, ее роль и место в жизни и деятельности коллектива, психологические особенности данного человека — все это в зна-

⁶⁷ См. В. И. Ленин, Соч., т. 33, стр. 52.

чительной мере не только определяет силу и характер связи личности с коллективом, но и порождает у данного человека определенные желания, потребности, то есть цели и стремления, характеризующие внутренний нравственный мир человека. Это же положение отдельного человека в коллективе определяет выбор форм индивидуального подхода к отдельной личности со стороны коллектива. Однако при всем разнообразии форм индивидуального подхода принцип главенства интересов коллектива над интересами его отдельного члена должен быть безусловным. Без этого невозможно говорить о настоящем воспитании коллектива и отдельной личности. Конечно, сила воздействия коллектива должна зависеть от многих обстоятельств, «но там, где личность сознательно выступает против коллектива, отрицая его требование и власть, там требования должны быть предъявлены решительные до конца, до тех пор, пока личность не признает, что нужно подчиниться коллективу».⁶⁸

С этой точки зрения заставляют насторожиться решения некоторых товарищеских судов, принимаемые заочно. Уже не однажды в печати сообщалось об объявлении отдельными судами общественного выговора лицам, которые, не явившись на суд, продемонстрировали явное пренебрежение к нему, или даже хулигански срывали заседание суда.⁶⁹ Думается, что такая практика ведет скорее к формализму, нежели к достижению воспитательных целей. В самом деле, если коллектив зрелый и понимает аморальность поведения того или иного человека, привлекаемого к товарищескому суду, то заочное рассмотрение дела для самого коллектива ничего не даст. Если же сам коллектив еще не превратился в боевую слаженную организацию, то такое рассмотрение будет еще одним доказательством его бессилия. По-видимому, случаи пренебрежительного отношения к товарищескому суду, то есть к мнению коллектива, должны вызвать иные средства принуждения со стороны коллектива (их А. С. Макаренко называл «беспощадными»; например, различные формы морального бойкота) в сочетании с административно-правовыми.

Только подчинение личных интересов интересам коллектива создает необходимые условия для формирования положительно-моральных мотивов поведения каждой отдельной личности. Мотивы выступают в качестве основания решений и действий. Они выражают определенное отношение к объекту действий и в этом качестве выступают как субъективные желания, стремления. Но структура мотивов чрезвычайно сложна. Одни из них могут играть роль непосредственных побудителей к деятельности (интерес к изготовлению данной детали, желание отличиться и быть

⁶⁸ А. С. Макаренко, Соч. в семи т., т. V, 1958, стр. 157—158.

⁶⁹ См., например, «Советская Эстония», 1962, 20 и 25 мая.

первым и т. п.). Другие носят более глубокий характер, более широкий ориентирующий смысл (мотивы долга, необходимости и т. п.).⁷⁰ Но и первые, и вторые, выступая в своем единстве, субъективно выражают индивидуальные стремления личности в определенном соотношении с общественным интересом. Роль «смысловых» мотивов увеличивается по мере нравственного роста личности, тогда как в условиях слабого ее развития преобладающее значение в поведении могут играть импульсивные стремления и желания. Но «смысловые» мотивы никогда не могут устранить мотивы непосредственного побуждения к деятельности. Задача нравственного воспитания заключается не в «упразднении» последних, а в подчинении, согласовании со «смысловыми».

Вот некоторые ответы на вопрос: «С какой целью вы стремитесь повысить свою квалификацию и общеобразовательный уровень?» — предложенный некоторым рабочим, борющимся за звание ударников коммунистического труда на предприятиях г. Тарту (опрос произведен в июне 1962 г.).

— Выше разряд и образование — легче работать.

— Нельзя отставать от других.

— Без повышения квалификации не смогу добиться более высоких показателей производства.

— Если буду больше знать и уметь, то смогу заменить товарища.

— Хочу научиться самостоятельно разбираться в технологической документации.

Из ответов легко обнаружить как превалирование непосредственных мотивов у одних («хочу научиться самостоятельно разбираться в технологической документации»), так и «смысловых» у других («если буду больше знать и уметь, то смогу заменить товарища»). У третьих — они еще до конца не осознаны («нельзя отставать от других»). Эта же дифференциация мотивов показывает характер связи личного и общественного интересов у различных лиц.

В повседневной деятельности коллектива создаются условия для последовательного перехода от простейших мотивов поведения к усложненным «смыслообразующим». Но закрепление последних, их действенность могут быть подорваны, если они не будут непосредственно связаны с теми ступеньками (мотивами непосредственного побуждения), по которым поднимается нравственность личности.

В то же время развитие непосредственных мотивов дает положительный результат, если они несут в себе общественный смысл. Отсюда вытекает роль права в защите интересов отдель-

⁷⁰ О психологической основе формирования мотивов см. Л. И. Божович, Н. Г. Морозов, Л. Л. Славина, Развитие мотивов учения у советских школьников, Известия АПН РСФСР, вып. 36, 1951.

ной личности. Нарушение принципа материальной заинтересованности, нарушение действующих правил предоставления жилой площади, несправедливость поощрений и т. п. — все подобные явления способны в лучшем случае затормозить, а то и просто сорвать кропотливую работу по воспитанию высоконравственных мотивов в коллективе. При этом ясно, что речь идет не об удовлетворении всех желаний личности, которые могут ей показаться «законными», ибо такой подход означал бы воспитание рваческих, эгоистических стремлений, а об удовлетворении потребностей, гарантированных правом и обеспеченных реальными возможностями. Понимание реальных возможностей коллектива, предприятия, города и т. п. также может успешно влиять на формирование положительных нравственных мотивов при четком взаимодействии норм права и морали. Сила воспитательного воздействия коллектива значительно возрастает, если коллектив осуществляет свои цели по собственному побуждению. Отсюда — вред голого администрирования, даже если оно по своей сущности правильно разрешает назревшие задачи. Поэтому участие коллектива в разрешении некоторых вопросов на основе действующих правовых норм (выплата премий, предоставление жилой площади и т. п.) воспитывает чувство хозяйской ответственности каждого за деятельность коллектива, сближает командный состав предприятия, учреждения со всеми членами коллектива, делает применение норм права заботой всего коллектива.

Показательна инициатива рабочих печного цеха Кохтла-Ярвского сланцеперерабатывающего комбината им. В. И. Ленина. В этом цехе четыре смены. Обычно сменный мастер единолично решал все административные вопросы, в том числе и такие, как возложение ответственности на нарушителей дисциплины, выдача премий из своего фонда. Но коллектив цеха сумел отойти от ставших привычными порядков. Было решено создать в каждой смене совет, состоящий из сменного мастера, профорга и избираемых общим собранием двух-трех наиболее уважаемых рабочих. Теперь решения ряда административных вопросов, принимаемые советом смены, стали носить наиболее авторитетный характер.

Один из членов совета смены рассказывает: «Раньше, бывало, возникали «за углом» разговорчики, неправильно вроде бы премию присудил мастер. Теперь этого нет и в помине. Ведь вопрос решается коллективно, с участием общественности».⁷¹ Эта инициатива не только не «подрывает» авторитет командиров производства, но, наоборот, по их оценке помогает руководителям больше уделять внимания производственным вопросам, так как разгружает их от ряда административных функций.

⁷¹ «Советская Эстония», 1962, 9 мая.

Разрешение задач нравственного воспитания в коллективе и в частности формирование положительных внутренних стремлений у каждого его члена — работа кропотливая, требующая времени. Эта работа складывается из налаживания взаимоотношений и связей всех звеньев коллектива как целостного организма, из правильного определения роли и места данного коллектива в системе других коллективов. Однако и в этом сложном процессе можно установить определенные закономерности, определяющие путь к достижению намеченной цели.

Типичным примером такого развития, как мы полагаем, может служить деятельность коллектива Тартуского авторемонтного завода № 3, борющегося за звание предприятия коммунистического труда. Первыми людьми, откликнувшимися на призыв инициаторов движения за коммунистический труд, были коммунисты инструментального отдела. Здесь самым «беспокойным» человеком стал партгруппорг слесарь-инструментальщик К. Рандоя. Началась упорная борьба за каждого человека. У одних нужно было преодолеть сомнения, у других — установившийся трафарет в отношении к делу. И инициатива дала свои результаты — инструментальный отдел первым на заводе завоевал звание коллектива коммунистического труда. Казалось бы, цель достигнута. Но не таковы коммунисты этого отдела, чтобы успокоиться на достигнутом. У них родилась уже новая идея — добиться высокой культуры производства. Это стремление было горячо поддержано партийной организацией всего завода. Теперь уже в обсуждении плана реконструкции участвовали все. И опять были такие, которые недоумевали и удивлялись: «И что инструментальщикам и их группоргу еще нужно?» Но идея упорно пробивает дорогу в жизнь. Все больше становится людей, приходящих к выводу: дело стоящее! И вот уже почти все втянуто в дело: покрасили станки, по-новому, рационально расставили их, сделали удобные верстаки и шкафчики, навели чистоту. Но и этого мало. По-настоящему продумали систему работы отдела технического контроля и пришли к выводу — необходимо постепенно ликвидировать этот отдел (сразу этого сделать нельзя), а пока сократить его штат до минимума. Добились и этого. Сейчас ОТК завода состоит всего из двух человек, которые в основном занимаются вопросами рекламаций. Весь же контроль за качеством продукции осуществляют общественные контролеры. Все они — ударники коммунистического труда. Но вовлечение коллектива всего завода в соревнование за коммунистический труд потребовало и новой формы общественного руководства соревнованием. Так по инициативе самих рабочих был создан на заводе совет коммунистического труда. Его основное назначение — опираясь на опыт передовых бригад и отделов, помочь подтянуться до их уровня всем другим участкам завода. Не стоит в стороне и администрация завода. Во всех полезных

начинаниях она принимает все зависящие от нее меры для поддержки проявленной инициативы. Директор завода Л. Ярв, главный инженер В. Тедер входят в состав совета коммунистического труда. Завод еще не завоевал звание предприятия коммунистического труда, но уже ясно, что его коллектив на правильном пути и добьется своей цели.⁷²

Обращаясь к принципам развития коллектива, выдвинутым А. С. Макаренко,⁷³ можно установить такую связь моментов, характеризующих определенную последовательность поступательного развития коллектива:

а) Первоначально новые морально-правовые требования в определенной степени остаются для коллектива внешними. Это особенно четко проявляется во вновь создаваемых коллективах, а также в старых, когда требования повышаются. Твердая административно-правовая регламентация, не зависящая от отношения к ней, является первым рычагом для оформления коллектива.

б) При определенных условиях эти требования начинает «принимать» передовая часть коллектива. Образуется актив, который получает возможностью примером своей деятельности воздействовать на всю остальную массу членов коллектива. Здесь велика роль общественных организаций и особенно партийной организации. Главное для их деятельности — не превращаться в дублеров морально-правовых требований, выдвигаемых административной, но подводить людей к признанию целесообразности и полезности выполнения этих требований.

в) Постепенно требования принимаются всей массой коллектива. Теперь уже сам коллектив в состоянии предъявить их к каждой «отдельной уклоняющейся личности» (А. С. Макаренко). Здесь исключительно возрастает роль всех органов, выражающих мнение коллектива (общее собрание, товарищеский суд и т. п.).

г) Наконец, коллектив достигает такого уровня развития, при котором морально-правовые требования становятся внутренним достоянием каждого человека. Рассматривая их как свои собственные, человек получает возможность предъявлять эти требования к самому себе без поддержки коллектива и контроля извне. Создается обстановка, при которой «для того, кто руководствуется правом, право становится его собственным обычаем».⁷⁴

Конечно, все эти моменты качественного изменения развивающегося коллектива нельзя рассматривать как изолированные друг от друга ступени, как происходящие в «строгой» последовательности. Все они органически слиты между собой, все они

⁷² См. очерк Ю. Жаворонок, На пути к большой цели, «Советская Эстония», 1962, 8 мая.

⁷³ См. А. С. Макаренко, Соч. в семи т., т. V, стр. 151—152.

⁷⁴ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 1, стр. 127.

зависят от конкретных условий. Их проявление может иметь различный характер в различных сторонах жизни коллектива. Но безусловно одно — выступая в качестве тенденции, они выражают те процессы, которые обеспечивают формирование подлинного коллектива.

Рассмотренная нами воспитательная роль взаимодействующих требований права и морали должна способствовать формированию внутреннего морального «умысла» человека. В зрелом, морально здоровом коллективе юридические права и обязанности настолько сливаются с нравственным долгом, что человек, сам того не замечая, ставит в большинстве случаев знак равенства между своим долгом и своей обязанностью, а свое право начинает рассматривать как одно из правомочий, которым обладает каждый член коллектива, а не только он сам. Этим в сознании человека стирается противоположность между его правом и обязанностью другого. Да и практически в условиях такого коллектива человек прибегает к требованиям своего права главным образом в случаях нарушения с чьей-либо стороны своей обязанности в отношении коллектива.

И, наконец, третья сторона, характеризующая проявление моральной жизни человека, — реализация внутренних побуждений, практическое осуществление их. Нравственное воспитание, обращенное к этой стороне, должно, опираясь на сознательное отношение к действительности в сочетании с системой требований, формировать убеждения человека. Убеждения формируют готовность бороться за их осуществление в жизни, связывают все поступки человека в единую линию поведения. Внутренние стремления личности без соответствующей деятельности мертвы. По образному замечанию Гегеля, «лавры одного лишь хотения суть сухие листья, которые никогда не зеленели». Правильное осознание своих потребностей в качестве производных от потребностей общественного развития выступает как необходимая предпосылка формирования личного интереса, прямо оказывает влияние на мотивы действий человека. А это является предпосылкой формирования убеждений. Поэтому, если первые две стороны морального отношения связывают объективное требование долга (потребности общественного развития) с его субъективным внутренним содержанием (побуждения личности), то третий момент позволяет установить обратную связь субъективного содержания долга через его внешнее проявление с объективными требованиями.⁷⁵

⁷⁵ Рассматриваемые нами три стороны нравственного поведения (сознательность, принятие внутреннего решения и практическое осуществление его) имеют своим психологическим основанием определенные моменты единого предметного отношения человека. Проф. В. Н. Мясищев, много сделавший для разработки проблем психологии отношений человека, определяет три вида их: отношения интереса, оценки и убеждения. (См. В. Н. Мясищев,

Нравственные убеждения личности — сложное психологическое образование, где сознание, чувства и воля слиты воедино и выступают как элемент характера человека.⁷⁶ Нравственные переживания выступают в качестве обязательного «фона» формирования личности как субъекта морального отношения. Но только в сочетании с внутренне принятой человеком системой взглядов они становятся сознательным эмоциональным отношением, активно организующим поведение человека. При такой слитности с мотивами поведения нравственное эмоциональное отношение может даже принять форму непосредственно возникшего переживания, вызванного самим ходом обстоятельств. В этом случае человек действует «по требованию чувства» с последующим самоотчетом о совершенном поступке. Ясно, что такая возможность положительного нравственного поведения обусловлена глубоким освоением общественных форм поведения.⁷⁷

Велика роль воли в реализации внутренних побуждений человека. Выступая как «деятельная сторона разума и морального чувства» (И. М. Сеченов), волевые действия сопровождают весь процесс, ведущий к выбору решения. Но лишь будучи органически связанной с сознанием и чувством, ставшими убеждениями человека, воля делается фактором, не только обеспечивающим осуществление принятого решения, но и гарантирующим необходимую настойчивость в достижении цели, которая выступает как объект отношения.⁷⁸

Основное условие формирования нравственных убеждений — соответствие личной деятельности, вызванной определенными положительными внутренними стремлениями, внешнему воздействию. В этом соответствии человек приобретает необходимый моральный опыт, позволяющий ему действовать уверенно, целеустремленно. Поэтому главный порок, который может привести к образованию чуждых убеждений, выражается в отсутствии необходимого соответствия между сущностью системы отноше-

Основные проблемы и современное состояние психологии отношений человека, сборник «Психологическая наука в СССР», т. II, изд. АПН РСФСР, 1960).

⁷⁶ К. Д. Ушинский даже точно определял место и роль каждого психологического компонента в общей системе убеждений. Он писал: «... При развитии, с одной стороны, области сознания, а с другой — области воли, чувствование становится необходимым посредником между этими двумя областями душевных явлений. Но чувствование не только среднее, связующее звено между явлениями сознания и явлениями воли; но вызывает и те, и другие». (Соч., т. 9, изд. АПН РСФСР, 1950, стр. 311).

⁷⁷ См. Д. В. Антонов, Психологический анализ форм нравственных переживаний, автореферат канд. диссерт., М., 1949.

⁷⁸ См. Т. К. Агафонов, О волевых проявлениях личности в затрудненных условиях, «Вопросы психологии», 1956, № 6.

ния людей и существенными проявлениями социалистических общественных отношений.⁷⁹

Этим определяется роль и место взаимодействующих права и морали в воспитательном процессе формирования нравственных убеждений. Попытаемся установить некоторые моменты воспитательного «приложения» этого взаимодействия.

Во-первых, необходимо совпадение требований права со стремлениями организованного общественного коллектива, членом которого является отдельная личность. Выше мы уже рассматривали, как в процессе формирования коллектива должно установиться подлинное единство внутренних стремлений членов коллектива с правовыми требованиями. Здесь необходимо обратить внимание на ту сторону этого единства, которая проявляет себя в ходе изменений правовых требований, вызываемых непрерывным развитием общественных потребностей. В ряде случаев повышение правовых требований или даже введение новых требует соответствующего изменения «установки» коллектива. Для формирования убеждений важно, чтобы коллектив понял общественную необходимость новых правовых требований. Должны быть полностью исключены видимость неустойчивости сложившихся ранее отношений, недопонимание новых обстоятельств, неразбериха и т. п. Поэтому изменения правовых требований должны быть честно, прямо и принципиально разъяснены и доведены до сознания каждого члена коллектива. Образцом такого партийного подхода к решению общегосударственных задач может служить Обращение ЦК КПСС и Совета Министров СССР в связи с изменением закупочных и розничных цен на некоторые виды сельскохозяйственной продукции.⁸⁰ Но не менее важна и другая сторона — устранение отживших, консервативных требований права, противоречащих творческим стремлениям коллектива. Мало установить мнение коллектива, необходимо при справедливости требований реализовать их. Если, например, какой-либо правовой акт (чаще всего административный) противоречит возросшей требовательности коллектива, то уже сам процесс изменения или отмены его оказывает огромное убеждающее влияние.⁸¹ Таким образом, непрерывное поддержание взаимодействия права и морали внутри коллектива выступает как один из каналов формирования убеждений.

Во-вторых, необходимо изолировать коллектив от отрицательных внешних влияний, идущих от отсталых и антиобщественных элементов общества. Единственное средство для решения этой задачи — активное наступление коллектива на

⁷⁹ См. О. И. Рута, Основы методики формирования нравственных убеждений у учащихся общеобразовательной школы, Красноярск, 1959, стр. 36.

⁸⁰ Опубликовано в «Правде», 1962, 1 июня.

⁸¹ О таких случаях писалось, например, в статье «Ответственность по должности», «Известия», 1962, 30 июня.

носителей таких аморальных явлений как паразитизм, хулиганство, спекуляция и т. п. Самая большая помеха для формирования нравственных убеждений — это не наличие самих фактов антиобщественного поведения отдельных лиц, а отсутствие последовательной и постоянной борьбы с ними. Видимость безнаказанности и бесконтрольности из-за пассивности некоторых государственных органов может вызвать у людей, даже вполне воспитанных в нравственном отношении, сомнение в своих силах, силах отдельных коллективов. Ясно, что активное участие коллективов в общественном контроле за различными сторонами жизни (народные дружины, различные посты и комиссии, созданные на общественных началах, участие в судебных рассмотрениях дел и т. п.) устраняет возможность таких сомнений, закрепляет положительный моральный опыт каждого члена коллектива. Однако только четкая и принципиальная работа органов государства и прежде всего прокуратуры и суда дает возможность коллективам трудящихся рассматривать свою деятельность как общественно необходимую и полезную. А это безусловно имеет свое значение для формирования моральных убеждений.

В-третьих, в процессе правотворчества и применения права необходим учет объективных противоречий развивающегося социалистического общества. При нарушении этого правила обычно создается такое положение, при котором сами по себе нормативные акты выглядят вполне обоснованными и полезными для общества, но в процессе их применения вскрывается возможность нежелательных результатов, которые несут с собой известный моральный вред.

Например, стремление увеличить жилищный фонд за счет собственных средств граждан и с помощью государственного кредита вызвало к жизни Указ Президиума Верховного Совета СССР «О праве граждан на покупку и строительство индивидуальных и жилых домов» от 26 августа 1948 г. Однако ни Указ, ни Постановление Совета Министров СССР от 26 августа 1948 г. о порядке применения этого Указа не предусматривали никаких мер для пресечения деятельности различного рода дельцов, спекулянтов, людей, мошенническим путем приобретавших строительный материал и т. п. Так были созданы известные условия для усиления у отдельных лиц корыстных и антиобщественных устремлений, осуждаемых общественным мнением. Конечно, правотворчество связано со сложным переходом от общего к отдельному, правовые акты не в состоянии предусмотреть все возможные случаи, но учет возможных типичных отклонений от воли законодателя, опирающийся на знание объективных противоречий (в данном случае речь идет о противоречиях внутри развивающейся морали) необходим. Этому в конце концов служит и требование совершенствования правовых норм.

Необходимо постоянно предвидеть возможность таких нарушений социалистического правопорядка, которые возникают из противоречий жизни и используются в качестве лазейки антиобщественными элементами. Поучительно предупреждение Н. С. Хрущева об использовании спекулянтами низких цен на хлеб: «Необходимо вести решительную борьбу против спекулянтов, которые для вида где-то работают, а по существу занимаются спекуляцией, используя для этого государственный хлеб. Нельзя допускать, чтобы ценный продовольственный продукт шел на корм скоту, для наживы спекулянтов».⁸²

Однако многое в устранении и недопущении явлений, порождение которых возможно в связи с осуществлением объективно необходимых и полезных требований права, зависит от самих коллективов трудящихся. Печальную известность приобрела деятельность некоторых организаций по разведению коллективных садов.⁸³ Полезность самой идеи коллективного садоводства и форм его организации, как они предусматриваются Постановлением Совета Министров СССР от 25 февраля 1949 г., очевидна всем. Но в некоторых коллективах на практике стали применяться такие формы организации садоводства, которые извратили идею, породили оживление частнособственнических и спекулятивных устремлений у отдельных лиц (превращение коллективных садов в индивидуальные при «помощи» заборов, продажа на рынке плодов и др.). Все подобные явления, если с ними не ведется последовательной борьбы, мешают воспитанию нравственных убеждений, соответствующих требованиям коммунистической морали. Их недопущение зависит от согласованности продуманных мер правового и морального характера.

В-четвертых, каждый человек, руководствующийся в своей деятельности положительными моральными стремлениями и соблюдающий требования права, должен быть уверен в достижении желаемых им результатов. Обеспечение такого положения может быть достигнуто как гарантиями социалистической законности, так и своевременными правовыми мерами, поддерживающими полезную деятельность. Различного рода препятствия в осуществлении прав и обязанностей, искусственно создаваемые некоторыми бюрократившимися чиновниками, элементарная невнимательность к нуждам и потребностям человека и т. п. явления могут при известных обстоятельствах привести человека к выводу о том, что закон — это одно, а дело — другое. Повседневная борьба с нарушениями законности не только устраняет все то, что мешает жизни, но и формирует убежден-

⁸² Н. С. Хрущев, Речь на совещании работников производственных управлений районов Центра Российской Федерации в г. Москве 27 июня 1962 г. «Правда», 1962, 30 июня.

⁸³ См. В. И. Немцов, Волнения, радости, надежды, Госполитиздат, 1961, стр. 70.

ность человека в силе гарантий, даваемых ему законом и обществом, побуждает человека к усилению деятельности, полезной обществу. В ряде случаев становится прямо необходимым правовое одобрение инициативы и почина трудящихся или расширение ранее предоставленных прав для более успешной деятельности. Примером этому может служить правовое усиление роли органов милиции и народных дружин в борьбе с нарушениями правил социалистического общежития. Такие меры придают уверенность в безоговорочном авторитете требований права и морали, формирует поведение людей, основывающееся на глубоких нравственных убеждениях.

Таким образом, система воспитательного воздействия на все стороны проявления человека в моральной жизни ведет к закреплению единства интереса общества и интереса отдельной личности, делает стремления каждого человека наиболее точным проявлением объективного интереса общества, формирует деятельного человека, активного борца за коммунизм.

Рассмотренные нами моменты нравственного воспитания показывают, какую роль играет взаимодействие права и морали в воспитании человека как субъекта морального отношения. Это взаимодействие участвует в формировании такого отношения человека к интересам общества, которое должно обеспечить наиболее точное соответствие морального отношения его сущности. Но в то же время индивидуальный характер проявления моральной жизни человека не только сохраняет себя, но и становится значительно разнообразнее, богаче.

«В период перехода к коммунизму возрастают возможности воспитания нового человека, гармонически сочетающего в себе духовное богатство, моральную чистоту и физическое совершенство».⁸⁴ Такое развитие личности не сможет не привести к всестороннему развитию способностей и талантов людей и, следовательно, к усилению их индивидуальных различий. Формируется общество, в котором поведение каждого человека будет строго подчинено единому ритму всей человеческой ассоциации, но в то же время каждый человек будет нести обществу всю свою неповторимую индивидуальность. «Коммунизм — это строй, где расцветают и полностью раскрываются способности и таланты, лучшие нравственные качества свободного человека».⁸⁵

*
* * *

⁸⁴ Программа КПСС, Материалы XXII съезда КПСС, стр. 411.

⁸⁵ Программа КПСС, Материалы XXII съезда КПСС, стр. 368.

Таким образом, все рассмотренные моменты, характеризующие взаимодействие норм права и морали, приводят нас к следующему:

1) Социалистическое право и коммунистическая мораль, опирающиеся на общие для них социально-экономические условия, выступают как различные формы закрепления объективной связи интересов личности с интересами всего общества. Процесс их развития и изменения обусловливается изменением и развитием характера связи этих интересов.

Формирование гармонического единства общественных и личных интересов, при котором интерес каждого отдельного человека не будет отличаться от интереса всего общества, уменьшает объективную необходимость такой специфической формы выражения общественного интереса, какой является право, и делает возможным выражение его только через моральные требования, которые, становясь едиными для всего общества, приобретают значение точного и глубокого выразителя его интересов. Это — процесс отмирания права, который может быть завершен при построении развитого коммунистического общества и упрочении социализма на международной арене, и одновременно процесс превращения морали в единственную форму социального саморегулирования коммунистического общества.

2) Строительство коммунизма, в ходе которого социалистические общественные отношения перерастают в коммунистические, обуславливает стирание различий между нормами права и морали. Основные показатели этого процесса — постепенное сближение прав и обязанностей внутри норм права и элементов долга внутри норм морали.

Социально-политическое единство дружественных классов создает условия, при которых непрерывно усиливается момент, характеризующий связь юридической обязанности с требованием общества (усиление общественной ответственности), а право начинает играть роль средства для достижения каждым членом общества своих стремлений на основе выполнения своих обязанностей. Эти же условия делают нравственные требования общества более действенными, равнозначными для всех, а стремления личности, выражая осознание общественной необходимости должного поведения, все более оказываются под объективным воздействием интереса общества.

Преодоление внутренних противоречий норм права и морали ведет к их сближению друг с другом. Обязанность и связанное с ней право приобретают характер предписаний нравственного долга, а нравственный долг часто играет роль, гарантирующую соблюдение норм права. Такое сближение норм права и морали формирует не только взаимозависимость юридической обязанности и требований нравственного долга, права и стремлений

личности, но и устанавливает связь обязанности со стремлением личности и права с требованием долга. А это делает участников общественных отношений активными выразителями интереса общества.

3) В процессе дальнейшего развития и взаимодействия норм права и морали «сложатся единые общепризнанные правила коммунистического общежития, соблюдение которых станет внутренней потребностью и привычкой всех людей».⁸⁶ Социальные нормы зрелого коммунистического общества будут сформированы как результат полного устранения различий между нормами права и морали. Это будет достигнуто таким сближением обязанностей и прав, устанавливаемых правовыми нормами, при котором право перестанет быть субъективным требованием одного участника общественного отношения к другому (это требование станет требованием общества). Право, таким образом, даст возможность человеку, выполняющему нравственную обязанность, выбрать наиболее целесообразную форму своего поведения. При этом все коллективные формы жизни коммунистического общества, непосредственно выражающие интересы всего общества, будут держать под своим контролем нравственную жизнь каждого человека, выполняя роль объекта морального отношения. Таким образом, нормы права приобретут односторонне-обязывающий характер и, соединив права-обязанности в единое требование долга, сольются с нормами морали. Это будут единые нормы коммунистического общежития, регулирующие взаимоотношения людей на основе принципа совместного выполнения ими одних и тех же, равнозначных для всех, требований общества.

Но в сфере общественного производства обязательно «известное подчинение» (Ф. Энгельс) его участников друг другу. Это обуславливает существование в коммунистическом обществе определенной разновидности единых социальных норм, названных нами нормами профессиональной морали. Их специфика — четкая фиксация профессиональных функций в форме прав и обязанностей каждого участника общественного производства. Основанием для конкретизации нравственного долга путем выделения из него прав и обязанностей служит техническая организация труда. Определением прав и обязанностей станет закрепляться такая субординация участников производства между собой, при которой профессиональное право одного лица будет выражать необходимость определенного поведения как его самого, так и других лиц при их совместных производственных действиях.

Определенное место сохранят и обычаи как установившаяся форма проявления единых норм коммунистического общежития,

⁸⁶ Программа КПСС, Материалы XXII съезда КПСС, стр.403.

закрепляющая традиционную систему отношений в некоторых областях жизни (проведение конгрессов, конкурсов и т. п.).

Организационно-технические нормы, регламентирующие управление вещами, полностью утратят свое социальное значение.

4) Изменение соотношения норм права и морали, выступающее как тенденция в ходе их развития, не может рассматриваться как ослабление или уменьшение роли права в качестве регулятора общественных отношений, перерастающих в коммунистические.

Социалистическое право — объективная необходимость особым способом регулировать, направлять развивающиеся общественные отношения до полной победы коммунизма. Его роль определяется тем, что только деятельность государства при помощи правовых установлений, прямо выражающих политику коммунистической партии, обеспечивает сознательное и целеустремленное закрепление, охрану и развитие таких общественных отношений, которые отвечают требованиям объективных закономерностей жизни общества, строящего коммунизм.

Регулирующая роль права, не зависящая от объема и границ его воздействия, прежде всего проявляется в требованиях полного соблюдения социалистической законности. Возрастающая роль нравственных начал в жизни общества и соответствующее уменьшение значения правового регулирования взаимоотношений между людьми не лишает действующее право (и не лишит вплоть до полного его отмирания) его объективных свойств выполнять роль самого эффективного и сильного средства формирования общественных отношений.

Изменение в соотношении права и морали может только изменить силу воздействия этих инструментов регулирования сравнительно друг с другом. Уравнение их регулирующих возможностей во всех областях общественной жизни будет означать «смерть» права. Но «выпадение» из сферы права тех или иных общественных отношений не может изменить роли права там, где его функционирование необходимо.

5) Изменение границ регулирования между нормами права и морали — процесс сложный и неравномерный. В его основании лежит соотношение объективных и субъективных возможностей регулирующей силы норм права и морали. В период до построения зрелого коммунистического общества сохраняются такие общественные отношения, которые без правового регулирования нормально функционировать не могут (например, имущественные). Для норм морали правовое регулирование в таких областях является ведущим, определяющим. Здесь нормы морали могут только поддерживать соответствующие нормы права, усиливая их безусловный авторитет и облегчая выполнение общих для них задач. Другие общественные отношения, нор-

мальное функционирование которых зависит от зрелости субъективного фактора, не могут быть освобождены от правового регулирования хотя бы в таком объеме, который гарантировал бы соблюдение единых для всех принципиальных требований общественного интереса (например, семейные отношения). Здесь нормы права поддерживают общественно-необходимую форму этих отношений, базирующихся на моральном регулировании.

В целом весь объем правового регулирования, выражая общенародную сущность социалистического права, осуществляется в объективно минимальных границах. По мере изменения социально-экономических условий и обусловленного этим изменения роли субъективного фактора будет происходить последовательное «снятие» правового регулирования с одной области общественных отношений за другой. В связи с этим мораль как непрерывно усиливающийся и расширяющийся способ социального воздействия на общественные отношения последовательно будет «занимать место» права и в конечном счете останется единственной формой регулирования взаимоотношений между людьми.

б) Взаимодействующие право и мораль выполняют определенную функцию в нравственном воспитании. Это одна из сторон деятельности государственных и общественных организаций, воспитывающих трудящихся в духе добровольного, добросовестного исполнения своих обязанностей.

Под воздействием единых морально-правовых требований оказываются такие моменты, стороны нравственного поведения человека, как сознательное отношение к своему поведению, формирование положительных внутренних стремлений и активная деятельность на основе твердых нравственных убеждений. Постоянное сочетание правовых и моральных норм в деятельности государственных и общественных организаций помогает формированию коллективов трудящихся, в которых поведение приобретает характер выполнения требований права на основе внутренних стремлений каждого члена коллектива. Благодаря этому закрепляется единство личных интересов с общественными, моральное отношение с наибольшей точностью начинает соответствовать своей сущности. Такое единство, делая поведение человека типичным проявлением сущности принципов коммунистической морали, в то же время обеспечивается многообразием форм творческой активности каждого строителя коммунизма во всех сферах жизнедеятельности и в моральной жизни в частности.

Тартуский государственный университет
Тарту, ул. Юликооли, 18

ТРУДЫ ПО ФИЛОСОФИИ VII

Взаимодействие норм права и морали
при переходе к коммунизму

Я. З. Хайкин

Toimetaja L. Stolovitš
Korrektor A. Pravdin

Ladumisele antud 12. XI 1962. Trükkimisele antud
16. I 1963. Paber 60 × 90, 1/16. Trükipoognaid 5,5.
Arvutuspoognaid 5,5. Trükiarv 500. MB-00245. Tellimise nr. 9144. Hans Heidemanni nim. trükikoda,
Tartu, Ülikooli 17/19, II.

Hind 36 kop.